Б.Н. Алмазов

Психология проблемного детства

Пособие школьному психологу и педагогу

Data Сквер

Борис Николаевич Алмазов
Психология проблемного детства

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64130796
Психология проблемного детства: Дата Сквер; Москва; 2009
ISBN 978-5-91772-003-6

Аннотация

Почему один ребенок замыкается в себе, другой становится клоуном, третий – агрессивным? Такое поведение мы наблюдаем у детей как в дошкольном, так и в школьном, а чаще в подростковом возрасте. Эти дети вызывают массу беспокойства у воспитателей, учителей, родителей, они мешают воспитательному и образовательному процессу. Неправильная реакция взрослых приводит к тому, что дети с неординарным поведением становятся изгоями сначала в детском саду, школе, а затем и в обществе. Что необходимо предпринять, чтобы не ущемить их личностные особенности? Как помочь им найти свое место в жизни? Важно установить причину такого поведения, раскрыть характер и способности ребенка. Это задача психолога, именно к нему, в первую очередь, обращаются и сами дети, и их родители, педагоги.

Автор книги объясняет причины неординарного поведения, приводит примеры воздействия на ребенка, способные сберечь его психику и помочь ему эффективно включиться в учебный процесс.

Книга будет интересна не только психологам, но и воспитателям детских садов, педагогам и родителям.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие 6
Глава 1. Психология обычного воспитания (онтогенез личности) 11
О субъектах воспитания 14
О предмете воспитания 27
Возраст безусловного социального отождествления 28
Возраст потребности в социальном статусе 34
Возраст тотального отчуждения (ранняя юность) 48
Возраст избирательного отчуждения (юность) 59
Литература 68
Глава 2. Педагогические издержки воспитания 69
Депривация педагогическая 75
Изоляция психологическая 91
Запущенность социальная 107
Конец ознакомительного фрагмента. 117

Борис Николаевич Алмазов
Психология проблемного детства

© Алмазов Б.Н., 2009
© Оформление Дата Сквер, 2009

Предисловие

Человек, которого воспитание должно реализовать в нас, – это не тот человек, которого создала природа, но тот, каким общество хочет, чтобы он был, а оно хочет, чтобы он был таким, как требует внутреннее устройство общества.
Э. Дюркгейм

Эта книга предназначается школьным психологам и педагогам. Она будет интересна и полезна тем, кто работает с детьми. Мы постараемся сосредоточить внимание специалистов прежде всего на конкретных профессиональных задачах.

В отличие от других специалистов, которым достаточно установить психологический статус на текущий момент времени (в интересах заказчика) или заглянуть в прошлое (в интересах клиента), педагогам и школьным психологам важно и нужно предвидеть, что даст та или иная воспитательная мера в будущем. Каждый взрослый прекрасно знает, что добиться послушания не так уж трудно, пока дети не выросли. Но чаще всего потом мы получаем вовсе не то, на что рассчитывали. Так что прогноз – важнейшее из умений, которому нужно научиться перед тем, как переступить порог школы. Этой задаче мы и намерены посвятить наши усилия.

Когда речь идет о развитии личности – это требует опре-

деленной энергии, жизненной активности. Итак, всякое развитие требует энергии, жизненной активности в движении навстречу культуре, когда речь идет о личности. У энергии должны быть **источники**. **Первый** из них – темперамент. Он еще никак не привязан к личности, его сила означает лишь особенность высшей нервной деятельности, которая есть у любого теплокровного животного. Так что его роль, скорее всего, косвенная и опосредованная. **Второй** – любознательность. Здесь речь должна идти о мощности энергетического потенциала серого вещества головного мозга, результатом деятельности которого выступает интеллект. Каждый знает, что при прочих равных обстоятельствах одни с детства предпочитают узнать новое и обрадоваться, а другие – увидеть знакомое и успокоиться, нисколько не тяготясь монотонностью впечатлений повседневной жизни. **Третий** связан с так называемым стадным инстинктом (по выражению А.В. Луначарского – основой любой морали). Стремление к отождествлению – мощный источник социальных побуждений, из которого питается вся педагогическая практика. Дети хотят быть в семье, коллективе и среде, так что если учитель ставит досягаемую задачу в зоне ближайшего развития, стремление к когнитивному консонансу гарантировано. На этом строится воспитание навыков и привычек. Когда задача неподъемна, энергия развития уходит на строительство самых разных психологических защит. **Четвертый** определяется потребностью в отчуждении, когда либи-

до и самосознание оторвут внешние значения от внутренних смыслов. Наступает время просвещения. Общество заинтересовано придать эгоизму отчуждения нравственные формы (ценности, идеалы, убеждения), полагая, что сейчас уместно не принуждение, а приобщение.

Эти источники можно назвать доброй энергией. Она нормальна и естественна. Но есть еще **пятый источник**, энергия которого питает так называемые неконструктивные побуждения, которые окрашены чувствами страха, тревоги, неуверенности в себе, тоски и злобы. От природы они в личность не переходят. Они созданы, как это принято говорить, ненадлежащим воспитанием. На нем мы и сосредоточим основное внимание. И поскольку в названии книги ключевым понятием выступает *проблемное* в развитии, этому термину следует придать то значение, которое отвечает поставленным нами задачам.

В литературе используется много терминов, которые с той или иной стороны освещают **отклонения** от нормы. Достаточно вспомнить психическую *средовую дезадаптацию, дефектологию, патохарактерологию, социопатичность, патопсихологию*, чтобы представить себе масштабы феноменологического пространства, в которое мы намерены вступить. Поэтому нам нужно вычленить именно то, с чем мы намерены работать. И за основу взять представления об аномальном тех, кто реально формирует развивающуюся личность: родителей, педагогов, врачей. У каждого из них свои

цели, которые они достигают собственными методами, не спрашивая совета психолога, да и друг друга.

Родители озабочены послушанием, благодаря которому остальное приложится. И когда все нормально, им бывает вполне достаточно собственного опыта (как они считают), чтобы обеспечить правильное развитие. **Педагоги** сосредоточены на успеваемости. **Врачи** обязаны снижать болезненность.

На рис. 1 мы постарались наглядно представить нашу позицию.

Рис. 1

Так, например, в зоне пограничных состояний находятся дети, которым необходимо сотрудничество по меньшей мере двух заинтересованных взрослых. Но как правило они не очень к нему стремятся и стараются переложить ответственность друг на друга за возникшие проблемы адаптации. Психологу приходится выступает в роли координатора усилий. Дети, которые находятся в центре обозначенного пространства, так называемые аномальные – их специалисты отдают так или иначе психологу. Ему приходится, с одной стороны, сопровождать их по жизни, поддерживая морально, с другой – вмешиваться в социальную обстановку, отстаивая интересы тех, кто не может самостоятельно справиться с трудными обстоятельствами самостоятельно. Ему приходится многое брать на себя. Мы надеемся, что в этом трудном деле наша книга будет ему полезна.

Глава 1. Психология обычного воспитания (онтогенез личности)

Детство в тягость человеку.
Ж.П. Сартр

У каждого народа свои представления о целях воспитания. Это зависит от того, как варьирует концепция человека в различных обществах. «*Ведь древние*, – как писал Э. Дюркгейм – *также думали, что создают из своих детей людей точно так же, как и мы. Если они отказывались видеть себе подобного в чужестранце, это как раз потому, что в их глазах только воспитание гражданской общины могло создать истинно и собственно человеческие существа. Но человечество они понимали по-своему, не так, как мы. Любое более или менее значительное изменение в организации общества влечет за собой такое же по значению изменение в понятии человека о самом себе*». Тем не менее, каковы бы ни были принципиальные установки, личность всегда формируется в трех сферах: семье, среде и системе. Именно там она перенимает культурную традицию своего народа. Когда мы говорим о ненадлежащем (плохом или небрежном) воспитании, то чаще всего имеем в виду конфликты значения именно в них, считая повод («длинный перечень взаимных слез, упреков и обид») настоящей причиной деви-

антного развития. Для обыденной жизни такой подход действительно приемлем. Нехорошо, когда ребенка в семье не любят, в коллективе третируют, а во дворе издеваются. Это факт и с ним никто не спорит. Но бывают обстоятельства, когда корни социальной дезадаптации уходят гораздо глубже. Когда, по выражению Ф.М. Достоевского, «*шатаются основы*» самих воспитывающих институтов. Общество выходит за рамки сложившихся стереотипов, и взрослые теряют уверенность в себе. Прежние рецепты не работают, а новых еще нет. К сожалению (для педагогики), наше общество переживает именно такое время. Мы перенимаем европейскую модель уклада жизни с присущими для нее смыслами поведения (что и раньше пытались сделать, но всякий раз безуспешно). Прежде чем начать систематическое изложение материала, необходимо отвлечься от проблем индивидуального воспитания (онтогенеза) и обратить внимание на проблемы в самой воспитывающей сфере (заняться вопросами филогенеза личности как свойства национального характера).

Это вызвано тем, что советская наука не просто не принимала европейскую традицию в психологии (а нынешний психолог читает, в основном, книги из-за рубежа), но и активно боролась с «тлетворным влиянием Запада». Достаточно вспомнить мнения П.Я. Гальперина – «*кризисное состояние характерно для зарубежной психологии практически на всем протяжении ее существования и является следстви-*

ем недостаточности ее методологических основ» или Л.С. Выготского – «*круг этого кризиса очерчен таким образом, что он вытекает из самой природы того методологического обоснования, на котором развивается психология на Западе, поэтому внутри себя он не имеет разрешения»*, чтобы понять, как далеки мы от европейской культурной традиции. И хотя современное психологическое образование базируется главным образом на ее достижениях, академическая наука не торопится преодолеть имеющиеся разногласия. Они остаются как бы под спудом официально провозглашенной толерантности. Так что каждому специалисту приходится лично работать над собственным профессиональным мировоззрением, ориентируясь на здравый смысл больше, чем на отвлеченные знания.

О субъектах воспитания

Индивид в своем развитии (онтогенезе) повторяет развитие вида (филогенез). Эту закономерность эволюции, сформулированную учеником Ч. Дарвина, Е. Геккелем, можно проследить и в психологии. Национальный характер с присущей ему традицией формирует личность отдельного человека в строгом соответствии с установками суровых предков. И пока человек развивается в отведенных для этого рамках, он чувствует себя довольно комфортно. Напряжение появляется, когда он выходит за них или попадает в непривычные обстоятельства. Если такое случается по своей воле, скептическое отношение современников не заставляет себя ждать. Оказавшись волею судьбы на чужбине, люди вынуждены долгие годы чувствовать себя новичком со всеми вытекающими из этого статуса проблемами психической средовой адаптации. Но бывает в истории время, когда народ примеряет на себя модель жизненного уклада, взятую со стороны. Тогда подражание тому, что не усвоено с детства, ложится тяжелым грузом особенно на молодежь. Те, кто воспитывает, должны уверенно соотносить общепринятые значения с внутренними смыслами поведения, и если это у них не получается (все чувствуют себя новичками), дети, ощутив приближение «огня губительной свободы», начинают метаться в поисках психологической защиты. Доста-

точно вспомнить повальную токсикоманию наших отроков 11–13-летнего возраста, предшествующую наступлению перестройки. Никто ее причины не исследовал, и о том, что она была, как бы забыли. В условиях глобализации, ориентированной на европейскую культурную традицию, многие народы, привыкшие воспитывать подрастающее поколение в идеологических границах (сословных, классовых, религиозных, расовых и т. п.) чувствуют ощутимый дискомфорт, утрачивая почву под ногами. И наша страна не исключение. Граница между Европой и Азией проходит не только по нашей территории, но и по психологии национального характера тоже. Мы много лет вроде бы стремимся к сближению с Европой, но оно не идет дальше более или менее формального сосуществования. И в наши дни, когда мы твердо нацелились на демократию по европейскому образцу, нам в очередной раз нужно соотнести, в какой мере наша культурная традиция сопоставима с их воспитывающими институтами.

На Западе залогом и условием психический средовой адаптации выступает утрированный (по нашим меркам) индивидуализм. Как отмечал Э. Дюркгейм «*мы с вами живем в стране, не признающей никакого властелина, кроме общественного мнения. У каждого из нас существует настолько преувеличенное ощущение своего Я, что мы не замечаем границ, сжимающих его со всех сторон. Создавая у себя иллюзию о собственном всемогуществе, мы стремимся стать самодостаточными. Вот почему мы видим свое до-*

стоинство в том, чтобы как можно сильнее отличаться друг от друга и следовать каждому своим собственным путем». Возвращаясь к ассоциациям с биологией, следует считать, что в основе адаптации у людей такого склада должна лежать устойчивость (в психологии – способность к отчуждению). Для нас же важнее изменчивость, в основе которой лежит способность к отождествлению. В природе существует различие между теплокровными (которые тратят массу калорий на поддержание температуры тела, зато могут идти, куда хотят) и холоднокровными, чей организм способен жить в широком диапазоне температур, но лишь в привычной среде. Недаром проблемам сосуществования мышей и лягушек (нонконформистов и конформистов) посвящено множество сказок, с помощью которых предки воспитывали подрастающее поколение. В древности преобладали воинственные сюжеты, современники предпочитают толерантность (герой мультипликационного сериала Шрек популярен, без преувеличения, во всем мире), но все приходят к выводу, что с имеющимися различиями приходится считаться, хотим мы этого или нет. Фатальны они или преодолимы эволюционным путем, мы и рассмотрим на примере среды, системы и семьи.

Первым воспитателем человека является **среда**. Та община, из которой вышли все ветви цивилизации. Первобытная, когда племя старалось отгородиться даже от соседей пресловутой «ненавистью варвара к чужаку», а затем – участница

все более сложных социальных отношений. И пока все потребности удовлетворялись «на месте», порядок жизни зависел больше от характера племени, чем от рациональных установок. Когда стремление к расширению жизненного пространства заставило искать более совершенные формы организации социума, появилось государство. Естественно, оно повторило привычный стиль отношений, но на более высоком уровне. Властвующий слой представлял собой управляющий клан, отношения в котором соответствовали неким общим закономерностям такого объединения:

а) волеизъявление свободно лишь в рамках традиции;

б) межличностное сцепление эмоционально (аффилиативно), что делает конформизм не зазорным;

в) самооценка зависит от близости к лидеру;

г) роли распределены и конкуренция не поощряется;

д) проникновение в клан извне возможно лишь при наличии вакансий;

е) поддержка только своих;

ж) карающая функция изгнания.

Стабильность во взаимодействии с населением обеспечивалась институтами власти:

– казна с централизованным распределением ресурсов (редустрибтивным);

– принудительный труд (барщина) с отчуждением результатов труда в пользу управляющего слоя;

– наследственная передача социального статуса.

Социальная справедливость обеспечивается отчуждением собственности, когда те, кто управляет, лишь пользуются имуществом, но не распоряжаются им, а также правом каждого в источниках пропитания. По исторической легенде, примером такого устройства была древняя Иудея. С течением времени оно трансформировалось в крепостное право и оказалось очень жизнестойким. Во всяком случае, в нашей стране оно удержалось официально до середины XIX века, а неформально присутствует в наших традициях и поныне. Именно среда задает этические принципы как некие ориентиры личностного развития.

Европейцы выбрали иные социальные ценности. Их властители еще в период раннего средневековья отказались от преимуществ, которые дает крепостной уклад, и заменили казну частной собственностью и гражданским оборотом; принудительный труд свободным предпринимательством; правом распоряжаться жизнью подданных поделились с лавочниками. Иными словами, сделали выбор в пользу **системы**, где главенствуют не институты власти, а институты права. Человек при таком устройстве жизни остается один на один с обществом и государством, получив в придаток к личной независимости «свободу умирать под забором». Общие черты системной организации отношений можно обозначить следующим образом:

а) личностные качества руководителя не играют роли;

б) власть раздается по штатному расписанию;

в) авторитет зависит от компетентности;

г) стиль взаимоотношений не допускает индивидуализма;

д) все участники системы взаимозаменяемы;

е) социальная поддержка – по действующим правилам, а не из жалости и сострадания;

ж) порицание и кара – в форме наказания.

Существующий порядок поддерживается юридическими институтами – совокупностью норм, заключающих однородное содержание и определяющих однородные отношения, в отличие от среды, где право – «*инструмент подавления в руках победившего*», а «*в политике важнее люди, а не аргументы*».

Такой шаг обеспечил непрерывный прогресс на многие века, так как человек раскрепощенный, постепенно освобождаясь от пресловутого страха свободы, оказался способен воспринять производственные отношения на качественно новом уровне. О мотивах далеких предков в наши дни судить трудно. Но наблюдая за тем, каких усилий стоит современным авторитарным режимам перестроиться на демократические рельсы, можно полагать, что примерно тысячу лет назад от удобного и привычного крепостного права пришлось отказаться под давлением весьма существенных проблем. Так, защищая «священное право частной собственности», крестоносцы не только очистили территорию, но и отменили крепостное право всюду, до каких пределов дошли. И там оно больше никогда не возобновлялось. Путь от чело-

века общинного к человеку свободному занял несколько веков и проходил сквозь войны, тянувшиеся то тридцать, а то и сто лет. Опыт революций и мировых войн XX века, несомненным результатом которых в конечном счете оказалось только падение авторитарных режимов и наступление демократии в странах, потерпевших поражение, не оставляют в этом никаких сомнений.

Пройти в своем развитии путь от общинной зависимости, которая «гнула, ломала и калечила личность», к свободе без социальных гарантий помогла **семья**. Возникнув как «разрушитель общины», она взяла на себя три основные функции. Как **хозяйствующий субъект** она олицетворяет «семейно-захватнический порядок» (Ф. Энгельс). «*Общинные и частно-семейные отношения* – подчеркивал К.Р. Качоровский – *находятся в состоянии конфликта. Преобладание одного из них является результатом естественно-экономических причин или отношения к этому вопросу со стороны властей. Если последние не содействуют частной собственности, то общинное начало преобладает. Если семейное начало получает приоритет, имущество (в первую очередь земля) захватывается бессрочно, то есть переходит по наследству, а государство переходит от сбора дани с общины к разверстке подати на конкретные семьи. Со своей стороны семья старается захватить в прочное владение наделы и закрепить свое право на имущество*».

Естественно, будучи самостоятельной в материальном от-

ношении, семья выступает и в роли **социальной единицы** – объединения людей, за которым признается право самостоятельно регулировать внутренние отношения и нести коллективную ответственность по обязательствам или за проступки своих членов.

Хозяйственная и социальная автономия определяет стиль отношений в семье как **группе общения**. Цементирующим фактором здесь выступает ответственность за тех, кого считают своими членами. И понятно, что в так называемой большой семье с множеством косвенных родственных связей привязанности распределяются неравномерно. Ктому же эмоциональный климат, где любовь соседствует с пресловутым «длинным перечнем взаимных слез, упреков и обид», дополнительно усложняет тему. Тем не менее, именно психологическое единство удерживает семейные традиции в обстоятельствах, когда власти манипулируют хозяйственной и социальной независимостью в политических или идеологических интересах.

Схематично семейные ценности психологического порядка можно представить следующим образом:

- семья ценится людьми как гарант их социальной приемлемости;
- член семьи может безопасно обнаруживать свои статусные установки в уверенности, что его примут таким, как есть;
- на социальную поддержку можно рассчитывать даже на

фоне неприязненных отношений;

- чувство долга перед предками и потомками присуще всей родне;
- конфликты в пространстве допускаемой делинквентности разрешаются без участия властей;
- поддержание неискренних ритуалов (ролей-функций) воспринимается как тягостная необходимость;
- лишение сострадания выступает как карательная мера.

Таковы общие контуры, присущие любому цивилизованному обществу. Но у каждого народа семья выполняет еще и своеобразную историческую миссию, от которой зависит ее роль и значение в укладе жизни. В европейской модели цивилизации она была основой феодального строя на протяжении многих веков, пока простые люди в обыденной жизни привыкали не бояться свободы нравственного выбора. Как писал А.С. Пушкин, *«Россия никогда не имела ничего общего с остальной Европой, и история ее требует другой мысли и формулы, как мысли и формулы, выведенные из истории христианского Запада. Феодализма у нас не было и тем хуже. Феодализм – частность, аристократия – общность. Феодальное семейство одно. Бояре жили при дворе княжеском, не укрепляя своих поместий, не подавая помощи городам, не враждуя против королей. Но они были вместе, считались старшинством, об их правах заботились придворные товарищи, Великие князья не имели необходимости соединяться с народом, чтобы их усмирить».*

В то же время американцы в своем стремлении догнать Европу в психологическом отношении сделали ставку именно на семью. Ей предоставили столько свободы, что на европейцев это производило отталкивающее впечатление (не говоря уже о России, где А.С. Пушкин писал, что никому из критиков существующих порядков не заказано уехать в Америку, где человек с ружьем наглядно покажет, чем отличается гнет самодержавия от принятой там свободы). Американцы быстро переболели средневековыми проблемами и к XX веку подошли с народом, готовым приять условия, которые диктует человеку система. И вместе с европейской культурой вступили в фазу, когда семья стала утрачивать прежнее значение. Ф. Фукуяма откликнулся на такие перемены известнейшими социологическими работами, само название которых говорит за себя – «Конец истории» и «Великий разрыв». «В *США отношение числа детей, рожденных незамужними женщинами, к числу новорожденных в полноценных семьях подскочило с менее чем 5 % в 1943 г. до 31 % в 1993 г. В наиболее бедных районах очень редко можно встретить ребенка, отец которого был бы мужем матери. В Швеции количество заключенных браков так низко (3,6 на 1000 населения), а количество сожителей так велико (30 % всех пар, что* можно утверждать: институт брака переживает долговременный упадок».

В нашей стране семья многие века продолжала оставаться внутри общины практически вплоть до 1917 г. (здесь необ-

ходимо заметить, что Российская империя в этом отношении была неоднородна; в центральных и восточных губерниях доля общинного землевладения составляла около 93 %, южная степь – около 80 %, западные и юго-западные губернии – от 13 % до 39 %, Литва и прибалтийские губернии – 0). Пролетарское государство решительно вмешалось в ход исторической эволюции и решило вывести семью на новый уровень отношений, освободив ее от материальных расчетов и забот о воспитании детей (в полном соответствии с установками Манифеста коммунистической партии). Отлучение от имущества не только разрушило межпоколенные связи, основанные на праве наследования, но и своеобразно развернуло материальные интересы в семейных отношениях. Теперь не дети зависели от родителей, а родители от детей (жилье, пособие, льготы и прямые выплаты полагались на ребенка). Примат общественного воспитания дополнил картину. «*Каждый советский гражданин уже по выходе из родильного дома получит путевку в детские ясли, из них в детский сад с круглосуточным содержанием или детдом, затем в школу-интернат, а из него с путевкой в жизнь на производство или дальнейшую учебу*», – писал академик С.Г. Струмилин в 1964 г.

Скорее всего, у идеологов новой семейной политики были лучшие побуждения, но совершенно не учитывающие естественные закономерности семейных отношений. И получилось, что государство захотело обойтись без этапа созрева-

ния личности как качества национального характера в условиях семейного воспитания, а сразу перейти от среды к системе. Образно говоря, не теряя сил и времени на движение по спирали истории, взять и перескочить на следующий виток. В результате оно оказалось в роли некой большой общины с «отцом народа» во главе. Сейчас семья как участник общественных отношений, хозяйствующий субъект и гарант социальной защищенности восстанавливает нормальные традиции, но работа только началась, и с этим приходится считаться.

Итак, мы убедились, что национальный характер в своем развитии движется от тотального отождествления, присущего общине, когда условием социальной адаптации является изменчивость, к отчуждению, свойственному системной организации бытия, где гораздо важнее навыки устойчивости. Темпы этого движения зависят от многих обстоятельств: социальных, географических, политических. И дистанция между продвинутыми и отстающими может быть такой большой, что создается впечатление, будто «мы» и «они» принадлежим чуть ли не к разным видам. Однако, стоит взглянуть на историю через призму психологии, становится очевидным, что эволюционируем мы в одном направлении. Просто нас пока что ничто не подгоняет осваивать навыки социального отчуждения. А когда мы начинаем это делать – вся система воспитания испытывает сильное напряжение от нестыковки филогенетических достижений с онтоге-

нетическими закономерностями. Вполне вероятно, что было бы более адекватно сравнивать «нас» и «их» в качестве людей разного возраста. Тогда мы напоминали бы детей с присущим для тех стремлением к отождествлению, а они – подростков или даже взрослых, которым свойственно не только поддаваться отчуждению, но и управлять им. Думается, что такой переход от биологических аллюзий к педагогическим больше соответствует задачам, которые мы поставили перед собой в этой книге.

О предмете воспитания

Движущей силой социального поведения являются врожденные установки (социальные инстинкты).
В. Ядов

Человек становится общественно полезным существом и при этом не тяготится своим статусом, лишь пройдя основательный курс обучения. Но любое воспитание было бы невозможно, если бы опиралось исключительно на силу, подавляющую антропологический эгоизм. Взрослым вовсе не обязательно загонять человека в культуру. Дети сами этого хотят. Вопреки зову природы. Остается лишь своевременно улавливать социальные потребности и делать так, чтобы в стремлении к их удовлетворению ребенок проходил сквозь учебную ситуацию, приобретая навыки, которые хочет общество. В своем дальнейшем изложении мы будем опираться на несколько ключевых моментов:

а) онтогенез личности представляет собой поэтапную реализацию социальных инстинктов в последовательности, свойственной природе человека;

б) социальные инстинкты превращаются в социальные потребности, если воспитание не противоречит этому процессу;

в) навык удовлетворения социальных потребностей, до-

минирующих на данном этапе онтогенеза личности, является обязательным условием для перехода на следующий уровень развития;

г) не освоенные в отведенные природой сроки социальные потребности оставляют ущерб в эмоциональной сфере и компенсируются в дальнейшем лишь за счет интеллекта и опыта;

д) онтогенез стабилизируется на стадии, которую задают образ и уклад жизни, принятые человеком за источник внутренних смыслов поведения.

Возраст безусловного социального отождествления

Раннее детство (до 3-х летнего) можно определить как период развития личности, для которого свойственно инстинктивно отождествлять себя с тем, кто обеспечивает безопасность в незнакомом (а значит, угрожающем) мире.

Наиболее значимая потребность этого периода – так называемое эмпатийное общение с взрослыми. Ребенок находится под сильным влиянием инстинкта самосохранения, властно требующего присутствия взрослого человека, гарантирующего безопасность существования. «Мать была рядом, значит, весь мир был ему другом», – точно подметил С. Томпсон состояние психики беззащитного детеныша, общее для всех младенцев. Дети, лишенные психологической защиты

заботливых родителей, часто оставляемые в уединении, отличаются стремлением оградить себя от лишних впечатлений. На всякое изменение внешней обстановки они готовы ответить тревожной реакцией, быстро сменяющейся либо плачем, либо нарушением физических функций организма. Недостаточность эмпатийного общения в младенческом возрасте влечет в будущем недоразвитие таких качеств личности, как способность к соперничеству, сочувствие и сострадание к горю другого человека. Жестокость, равнодушие к чужой боли, холодность и пренебрежение интересами других нередко должны быть отнесены к свойствам, у истоков которых можно проследить равнодушие родителей к душевному состоянию своих малолетних детей.

В этот период жизни психолог редко имеет возможность повлиять на воспитание ребенка за исключением тех крайних случаев, когда явная безнадзорность вынуждает орган опеки и попечительства принимать властные меры. Если же родители оказались плохими воспитателями (легкомысленными, бесчувственными, необразованными), но положительно характеризуются в быту и на работе, остается лишь надеяться, что они прислушаются к советам пропагандистов педагогических знаний. Вид деятельности, которую общество порой явно недооценивает.

Собственно педагогическая деятельность начинается лишь с ***дошкольного возраста***, когда дети вступают в коллектив сверстников, организованный взрослым человеком.

Ведь даже тех, кого родители не отпускают в детский сад, обычно устраивают в клубы, кружки, секции, чтобы не лишать игры по правилам, без которой, все прекрасно понимают, развитие личности будет не полным и не гармоничным. На языке профессиональной психологии данный этап формирования личности определяется доминированием аффилиативной потребности. На содержании этого термина нужно остановить внимание.

Термин «аффилиация» появился в психологии сравнительно недавно, когда в 1937 г. Г. Мюррей обозначил им потребность в любви, приязни, склонности. В последующем С. Шехтер ввел его в экспериментальную психологию, исследуя силы сцепления в малой группе на основе эмоциональной солидарности, в отличие от конформизма с присущим тому осмысленным соглашательством с единодушно ошибающимся большинством, а далее К. Радлов вывел понятие аффилиативного стремления на уровень мотивообразующих факторов социального поведения[1].

В отечественной психологии термином аффилиация начали пользоваться позже[2]. И к настоящему времени об этом феномене сформировалось однозначное мнение.

---

[1] Schachter S. Psychology of affiliation. Stamdford, 1959.

[2] *«Новый для отечественной психологической литературы термин «аффилиация» можно обозначить как «стремление к психологической общности с группой»*. Примечание редактора к статье Алмазова Б.Н. и Вострокнутова Н.В. «Сравнительное исследование аффилиативного поведения психически здоровых и больных людей» в журнале Вопросы психологии. 1977, № 2.

Аффилиация (от англ. affiliaftion – соединение, связь) – потребность (мотивация) в общении, эмоциональных контактах, дружбе, любви. Она проявляется в стремлении быть в обществе других людей, взаимодействовать с окружающими, оказывать поддержку и принимать ее. Она усиливается в ситуациях, порождающих стресс, тревогу, неуверенность в себе. Блокирование потребности в аффилиации порождает чувство одиночества, бессилия и вызывает состояние фрустрации[3].

Сегодня аффилиативные стремления понимаются как *желание отождествить себя с реальным окружением на эмоциональном уровне вне зависимости от когнитивных предпочтений, обусловленных более или менее конкретной жизненной позицией*.

Воспитание в детском саду построено на использовании проснувшегося социального (аффилиативного) стремления, во имя которого дети готовы следовать правилам игры: соблюдать режим дня, убирать за собой посуду, слушаться старших, воздерживаться от агрессии по отношению к младшим, выполнять задания, требующие напряжения воли и ума. Для них еще не имеют значения личные качества их друзей. Главное – быть принятым. Сегодня одним коллективом, завтра – другим, если родители сменят детское учре-

---

[3] См. Психология. Словарь. / Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М., 1990. Психологический словарь. / Под ред. В.П. Зинченко, Б.Г. Мещерякова. – М., 1996.

ждение. Недаром в качестве наказания воспитатели начинают использовать не физическое, а моральное давление: достаточно отсадить ребенка на отдельный стул, означающий скамейку штрафников, чтобы ребенок почувствовал себя несчастным. Тем самым формируются нравственные привычки делать выбор в пользу «надо» вместо естественного для природы человека «хочу».

Дети, которые в дошкольном возрасте лишены необходимого общения со взрослыми, с которыми мало играют, начинают своеобразно отставать от сверстников в психосоциальном развитии. Вынужденные самостоятельно строить свои отношения с окружающими, они оказываются в положении людей, действующих в незнакомой обстановке на свой страх и риск. Порою мы, наблюдая за ежедневными многочасовыми играми детей, часто оставляемых без надзора взрослых, склонны думать, что они именно играют. Но стоит соотнести их занятия со способностью ребенка к условному восприятию игры, как сразу станет ясно, что в этом возрасте разделить понятия «игра» и «жизнь» еще невозможно. Предоставленные самим себе, дети живут, всерьез переживая радости и огорчения, условность которых очевидна только нам, взрослым.

С ***семилетнего возраста*** ребенок вступает в фазу личностного развития, которой свойственно стремление к когнитивному консонансу с системой и окрашенную страхом когнитивного диссонанса. Возрастная психология не может

убедительно объяснить, почему именно в это время мотивообразующие переживания переходят с эмоционального на умственный уровень, а система становится доминирующим источником социальных чувств. Остается признать сам факт и исходить из того, что такова жизнь. Горький опыт педагогических инноваций, когда с детьми шести, а то и пяти лет начинали обращаться как со школьниками, свидетельствует – развить интеллект до уровня первоклассника можно и раньше, но только в процессе игры, а не работы. Для труда нужно, чтобы человек захотел стать членом коллектива. Сейчас ребенку очень важно получить не просто похвалу, а официальную информацию о себе. И если поначалу дети воспринимают учителя начальной школы как лидера, то довольно скоро обучаются сохранять дистанцию и видеть в нем начальника.

Разумный и умелый педагог старается обеспечить каждому ученику ситуацию успеха, заметить и подчеркнуть личные рекорды, дать возможность проявиться сильным сторонам натуры, не обязательно в форме достижений в учебе. Когда ребенок утверждает свои позиции собственными усилиями и растет как личность, страх когнитивного диссонанса не довлеет над ним. Учитель *неразумный, но умелый,* формирует у детей привычку пребывать во власти, когда взрослый прав при любых обстоятельствах, а любой индивидуализм пресекается как недостойный эгоизм. Он поддерживает страх когнитивного диссонанса в постоянном напряжении,

делая детей, по выражению А. Фрейд, «*несчастными жертвами блестящего воспитания, в нравственном отношении мало чем отличающимися от своих запущенных в социальном отношении сверстников*». *Неразумный и неумелый* учитель допускает сегрегацию по успеваемости и социальному статусу, закладывая в фундамент личности неприветствуемого ученика готовность смириться со своей никчемностью (он еще не созрел для протеста) и ощущение бессильного недоверия к существующему укладу жизни, чью волю в глазах ребенка выражает педагог.

Более того, именно сейчас, когда потребность в положительной информации о себе так значима, а успех недосягаем, в психологии ценностей происходит инверсия, способная наложить печать на характер в целом. Ребенок начинает истолковывать любое внимание к себе со стороны сильных и властных как возвышающее, хотя оно и ставит его в унизительное положение.

Возраст потребности в социальном статусе

В ***отроческом*** возрасте продолжает доминировать потребность в отождествлении с реальным окружением на эмоциональном уровне. Как заметил А. Караковский, «*подросток (педагоги, в отличие других специалистов, для которых подростковый возраст начинается с 14-летнего возрас-*

та, называют этим термином детей 11–13 лет) превыше всего ценит достойное положение в коллективе. Можно было бы по этой причине ждать, что он сочтет для себя унизительным в одном случае придерживаться требований одной морали, одного кодекса чести, а в другом – следовать требованиям другого. Но не тут-то было: довольно-таки часто для него значимы не столько требования той или иной морали, сколько тот факт, от кого эти требования исходят. И если он является членом сразу двух коллективов, моральные требования которых не совпадают или даже прямо противоположны друг другу, это его нисколько не шокирует и он может вполне следовать сразу двум моралям: в одном коллективе одной, а в другом – иной».

Но его отношения с окружающими в когнитивном плане расходятся по трем векторам соответственно *потребности в социальном статусе*, которую Т. Парсонс относил к фундаментальным мотивообразующим факторам социального поведения (среда, семья, система). Сейчас достойная социальная роль нужна из стремления «к самости в любви, работе и дружбе» (по А. Адлеру), чье время еще не настало, но потребность в которой уже чувствуется. И будит мощные эмоциональные движения. О реакции на «измену друга» и «братании» с весьма болезненными последствиями достаточно много написано в работах, посвященных проблематике детского суицида. Для того чтобы подчеркнуть содержание чувств, насыщающих потребность в достойном семей-

ном статусе, мы приводим высказывание В. Сухомлинского, известного своим образным педагогическим языком. «*Если бы меня спросили, что самое трудное в нашей работе с подростком, я бы ответил, это говорить с ним о его отце и матери… Бывают обстоятельства, когда перед ним будто острое лезвие ножа; он в ужасе, все в нем замирает – такое чувство он испытывает в минуту обнажения семейных отношений, когда ребенку хотелось бы их скрыть*».

Естественно, во всех трех сферах, где формируются социальные позиции и завоевываются роли, достичь успеха одновременно, как правило, невозможно, да и не нужно. Плюсы и минусы в обычной жизни компенсируют друг друга. Но когда неудачи достигают некоего предела, в ход идут психологические защитные реакции, способные вызвать ощутимое отклонение личностного развития. Наглядно это можно представить на рис. 2.

В каждой из сфер мы выделили семь ролей примерно одного уровня по статусу (занимаемым позициям), ранжировав их по мере убывания основополагающей ценности, присущей этой сфере. В ***системе*** (***коллективе):*** компетентный руководитель, авторитетный помощник, формальный помощник, уважаемый член коллектива, рядовой сотрудник, терпимый, бойкотируемый. В ***семье***: любимый глава семьи, зависимый любимец, признаваемый без привязанностей, полагающийся на себя, занимающий одну из сторон конфликта, квартирант, выталкиваемый. В ***среде неформального об-***

щения: лидер, звезда, независимый, примыкающий, зависимый, помыкаемый, избиваемый. Понятно, что в отроческом возрасте роли и позиции осознаются еще весьма расплывчато, конфликт между ними будет осмыслен не скоро, но эмоциональная почва психологической защитной реакции закладывается именно сейчас.

В точке, взятой за центр композиции, располагаются лучшие роли по всем трем сферам. Из точки под углом 120° исходят три луча. На них мы произвольно откладываем отрезки соответственно тому масштабу, который взяли, по количеству принятых позиций (в нашем случае их семь, но это число взято исключительно для удобства; теоретически их может быть необозримо много).

Если отметить точкой на каждом отрезке позицию, которую человек занимает в каждой из сфер межличностных отношений, и вокруг нее описать окружность радиусом в две позиции, мы получим три окружности в разной комбинации. Их взаимное расположение позволяет судить о проблемах личностного развития.

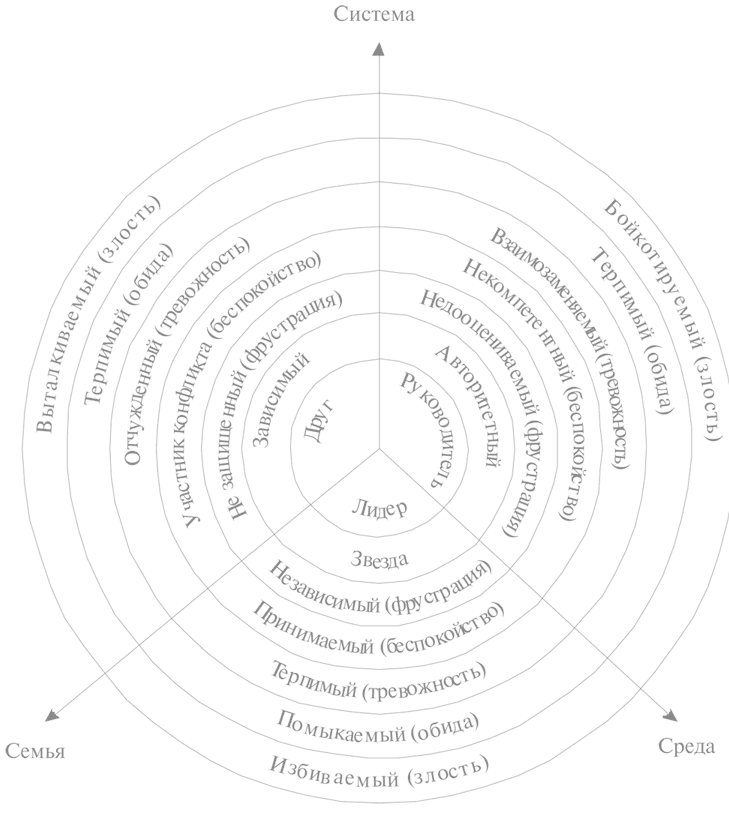

Рис. 2

Вариант 1. Если окружность охватывает центр или пересекается с другими окружностями, это означает, что человек в состоянии и готов принять свою роль в данной сфере отно-

шений, даже если известные проблемы все же есть (рис. 3).

Вариант 2. Если одна из окружностей дистанцирована и не соприкасается ни с центром, ни с другими окружностями, это свидетельствует о наличии психического напряжения, способного повлиять на динамику личностного развития. Ребенок может выбрать путь, который называется «оправдать ожидания отвергающей среды», и отреагировать утратой интереса к ценностям сферы отношений, где его позиция не соответствует самооценке. Мы обозначили такую реакцию как *исключение третьего*.

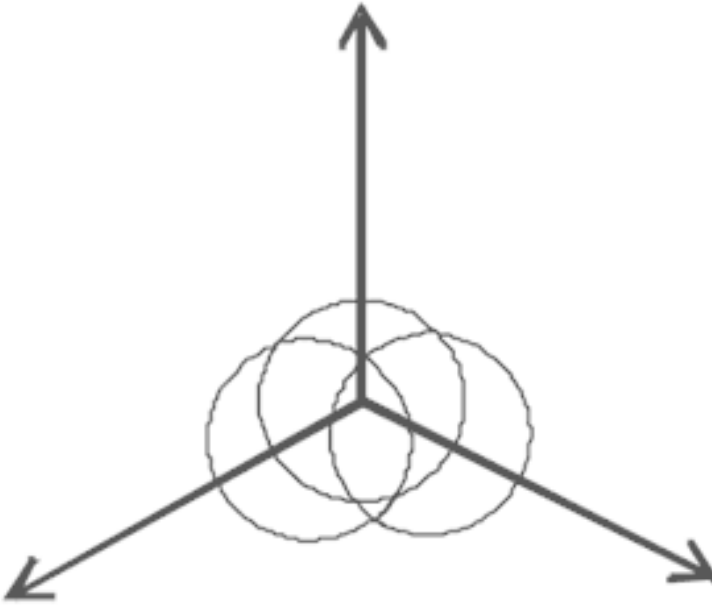

Рис. 3

В частности, рис. 4 отражает ситуацию, которую можно образно назвать «маменькин сынок». Здесь девиантное развитие личности, вызванное сознательным или недостаточно осознанным игнорированием ценностей среды неформального общения и пренебрежением соответствующими навыками, вызовет ощутимые проблемы адаптации.

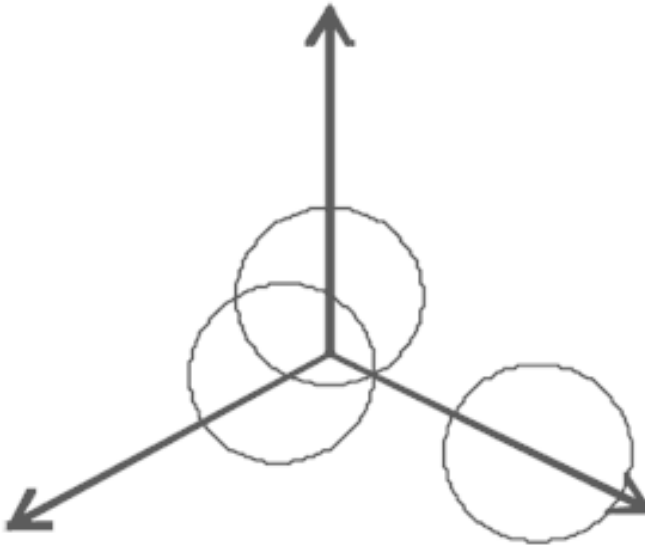

Рис. 4

В иных вариантах, когда, например, исключенными бывают семейные ценности, дети с неплохими коммуникативными и деловыми качествами испытывают, будучи взрослыми, серьезные проблемы адаптации к собственным семейным отношениям. Аутсайдеры коллективов, обласканные средой и семьей, вырастают, как правило, подчеркнутыми индивидуалистами.

Вариант 3. Если дистанцированы две окружности, это

означает, что игнорировать ценности обеих отвергающих сфер ребенку не по силам и он не в состоянии сохранять внутреннюю гармонию, не замечая своих неудач. Ему приходится активно перестраивать ценностные ориентации. Отношение к отвергающим сферам окрашивается чувством неприязни, тогда как все, что касается принимающей его сферы отношений, наполняется повышенным интересом и стремлением к корпоративному обособлению. Образно говоря, развивающие силы личности концентрируются на ограниченном пространстве и создают своеобразный феномен девиантного развития, который мы обозначили термином *экологическая ниша*. Привлекательность и доступность ее целеполагающих установок способствуют формированию сепаратизма, социального отчуждения и стремления к субкультурам, создаваемым людьми схожей судьбы.

На рис. 5 обозначена ситуация, когда коллективистические и семейные ценности оказываются труднодосягаемыми и весьма вероятно появление стремления присоединиться к уголовной субкультуре.

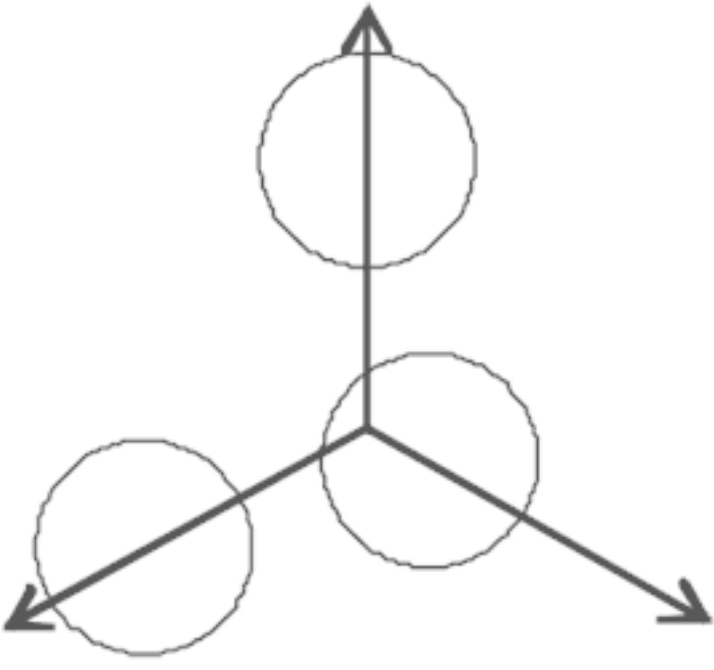

Рис. 5

В других вариантах неудачники в семье и среде неформального общения нередко устремляются под защиту атрибутов воинского коллектива и оказываются жертвой неуставных отношений. Семейные драмы молодых людей, особенно несовершеннолетних, которые ищут там защиты от неудач в коллективе и среде неформального общения, не нуждаются

в комментариях.

Вариант 4. Если все три окружности разобщены и ни одна из них не охватывает центра, проблемы средовой адаптации выходят на качественно иной уровень (рис. 6). Тотальная неприязнь социальной среды – слишком тяжелое испытание для формирующейся личности, ибо, как известно, никто не в состоянии смириться со своей абсолютной никчемностью. Для личности это означает примерно то же, что для организма лишение кислорода. В такой ситуации представления о своей социальной ценности смещаются в область воображения и перестают нуждаться в подтверждении реальностью. Эмоциональные (эмпатийные и аффилиативные) основы социальных устремлений исчезают из мотивации нормативного поведения. Возникает своеобразная *деперсонализация* (по Т. Шибутани) с замещением эмоционально окрашенного единения со средой рационально обусловленным конформизмом и социально-психологической мистикой.

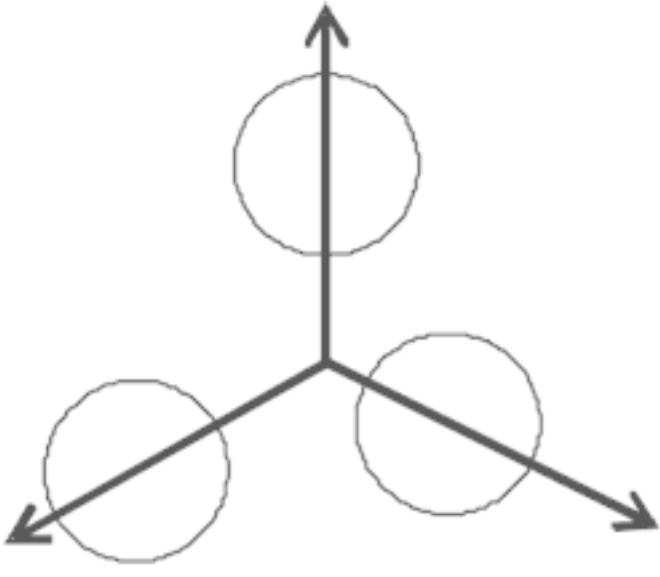

Рис. 6

Людям, оказавшимся в таком разобщении с социумом, присуще дрейфовать по жизни, меняя одну среду обитания на другую, подчас диаметрально противоположно отличающуюся от предыдущей по своим моральным и этическим качествам, без внутреннего конфликта. Если же люди с несформированными контурами личности все-таки решаются на сближение с окружающими, их поведение отличает-

ся сочетанием рассудочного побуждения и инфантильно-эмпатийного переживания, что ставит в тупик нормально развитых людей, которые идут им навстречу. Неадекватная экзальтация, пустая обидчивость, эгоцентризм в ожиданиях и неловкость в обращении зачастую производят впечатление психопатизации и фиксируются в виде диагноза *патохарактерологического развития*.

Именно в отроческом возрасте реакция на отторжение реальным социумом бывает драматичной из-за сочетания двух обстоятельств: болезненного переживания своей никчемности и нарастающей способности воображения обесценивать инстинкт самосохранения. Это бывает особенно заметно в крайних случаях, готовиться к встрече с которыми педагог должен очень вдумчиво.

Так, обследуя детей отроческого возраста, убегающих из дома, токсикоманов, наносящих самоповреждения, мы раз за разом убеждались в непреложной закономерности: одной причины не бывает. Как правило, ребенок в школе имеет все основания чувствовать себя лишним; семья не может служить защитой, а то и вовсе занимает сторону учителей; сверстники и их родители предпочитают выставлять за дверь. И не важно, что здесь стоит на первом месте, а что лишь усиливает давление. Главное в другом. Когда не на что надеяться и некому пожаловаться, жизнь утрачивает ценность. Стоит присмотреться, какими физическими страданиями оборачивается бродяжничание зимой (летом бега-

ют из дома много реже), или представить себе, что надышаться парами бензина или клея до галлюцинаций означает задохнуться до потери сознания, что порезать кожу себе нормальный человек может разве что при угрозе неминуемой смерти (например, когда укусит змея), чтобы понять, какой силой обладает банальное равнодушие взрослых в картине психической средовой дезадаптации при, казалось бы, полном отсутствии признаков так называемой тяжелой жизненной ситуации.

К тому же не следует забывать, что в отроческом возрасте дети становятся как-то особенно чувствительны к проблемам взаимодействия поколений в целом. Время от времени их охватывают массовые влечения разрушительного свойства, когда в каждом конкретном случае вроде бы нет и намека на «стечение тяжелых личных обстоятельств». Например, по нашей стране накануне перестройки, пока взрослые еще ничего не осознали, хотя интуитивно чувствовали приближение эпохи тотального отчуждения, прокатилась волна отроческой токсикомании, когда парами бензина или клея дышали вполне благополучные дети из нормальных семей. И стоило взрослым озвучить и понять наступающие изменения уклада жизни, как дети успокоились, а токсикомания отступила на свои постоянные позиции: в подвалы и на чердаки, где обитают бродяжничающие маргиналы.

Должно быть, подсознательные мотивы отклоняющегося поведения, когда борьба за статус обессмысливается тем, что

взрослым становится не до воспитания, не нужно сбрасывать со счетов.

Возраст тотального отчуждения (ранняя юность)

Потребность узнать внутренние смыслы поведения (рождение самосознания, когда, образно говоря, закона уже нет, а Бога еще нет) в очередной раз ставит человека на порог неведомого. Сейчас – своей личности. Опыт познания мира должен быть направлен на познание себя. Подросток становится главным инженером проекта Я-концепции и должен отобрать из внешних значений то, что для этого годится. Естественно, стройку нужно сначала огородить. При помощи эмоционального и смыслового барьеров.

Эмоциональный барьер внешне проявляется как эгоизм. Еще вчера добрые и отзывчивые, дети равнодушно относятся к попыткам старших вызвать к себе сочувствие или интерес к своим заботам. Происходящее в мире взрослых перестает интересовать подростков. «Я не хочу сказать, что существует заговор против стариков, – говорил один из участников дискуссии о причинах современных молодежных движений, – просто они любят другое и хотят, чтобы мы любили то, что им нравится». Такой раскол в сфере чувств понятен, ибо именно с подросткового периода человек вместо прежней ориентации на предшествующее поколение, в под-

держке которого он нуждался, начинает ориентироваться на грядущее поколение, которое сам готовится произвести. Это воплощается в разнообразных отклонениях от желаемого и ожидаемого поведения и служит причиной взаимных претензий, огорчений и недоразумений.

В свете новых чувств доводы рассудка приобретают своеобразную окраску. Попытки воздействовать на подростка в этот период представляются чрезвычайно затруднительными. То, что без затруднений доходило до сознания ребенка, как бы повисает в воздухе. Оно не воспринимается, так как не становится в сознании предметом обсуждения. Ярче всего **смысловой барьер** дает о себе знать, когда бывает задето самолюбие подростка. В таких случаях после нескольких фраз он попросту перестает следить за ходом рассуждений своего оппонента. Однако и в обычном доброжелательном общении любая попытка взрослого навязать свое мнение, как правило, наталкивается на известное противодействие. Постоянная готовность отстаивать «независимое суждение» обусловливает специфическую черту подростков – активное стремление вступить в спор, используя для этого любую возможность. Внешне такой спорщик производит впечатление уверенного, он сам провоцирует возникновение спора, но стоит внимательно выслушать его или просто присмотреться к мотивам его оппозиционности, как обнаружатся тревожная настороженность, боязнь попасть в ситуацию, которая может поколебать создавшееся представление о себе. И

как только неприкосновенность своего «я» оказывается под угрозой, психологические барьеры дают себя почувствовать.

Под защитой психологического отчуждения проверяется ролевая структура личности (в рамках имеющихся возможностей).

«Сверх Я» – источник внутренних побуждений и смыслов поведения, трансформирующих энергию чувств в идеалы и убеждения.

«Я – концепция» (роли-принципы, роли для себя самого) – источник нравственных потребностей и регулятор социальных ориентаций. Ответственность за них поддерживается страхом когнитивного диссонанса.

«Я – образ» (роли-статусы, роли для других) – роли, сформировавшиеся в процессе воспитания и принятые личностью за ориентиры собственного достоинства. Поддерживаются гордостью, самолюбием.

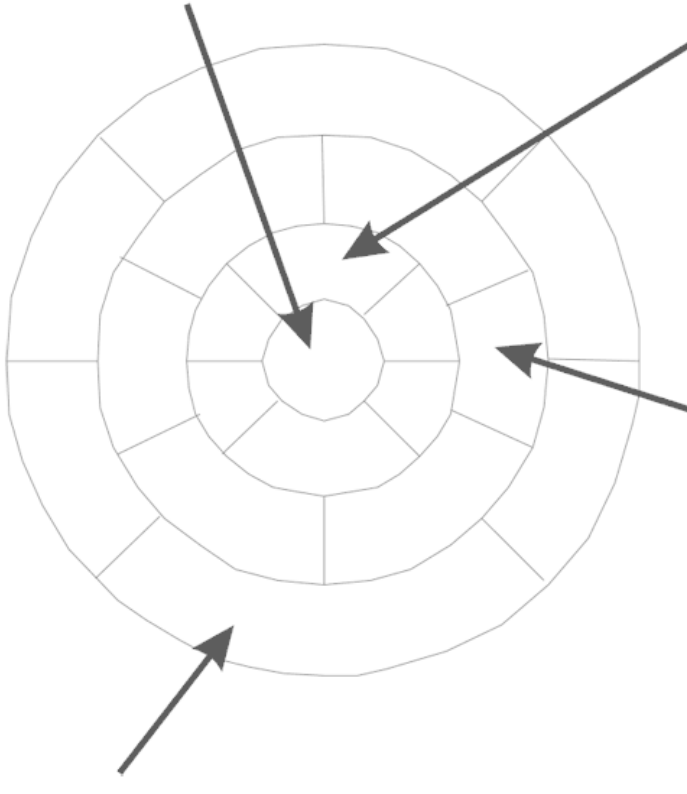

Рис. 7

«Я – манера» (роли-функции, роли-навыки для достижения цели) – роли, ориентированные на экспектации, имеющие прагматичное значение, реализуемое в поступке.

Естественно, соответствующие знания, навыки и привыч-

ки к подростковому возрасту уже сформированы. Манеры прививаются с раннего детства, а привычка использовать их в своих интересах заметно пробивается сквозь детскую непосредственность еще до школы. Представления о статусах созревают в рамках семейных, клановых, классовых и т. п. традиций, а также под влиянием просвещения, несущего потомкам нравственный опыт человечества. Примеряя на себя эти образцы в воображении, ребенок осваивает некий уровень притязаний на чувство собственного достоинства. Роли – принципы пока надлежит прочувствовать. И соотнести с ядром личности, откуда исходит энергия предпочтений, влечений, побуждений. Образно говоря, сопоставить оболочку со спонтанностью характера. Здесь начинается собственное творчество, где чужой опыт не указ.

Как писал К. Войтыла, «*когда человек переживает различные чувства или испытывает различные страсти, он чаще всего достаточно ясно осознает, что в этом нет его действия, но что-то делается в нем и даже больше – тогда это что-то делается с ним; он как бы перестал быть хозяином себе, утратил власть над собой или не сумел ею завладеть. Таким образом, вместе с эмоцией, чувством или страстью в человеке возникает еще и особая задача исполниться – учитывая то, что ему как личности присущи само-господство и самообладание*». Естественно, для того, чтобы разум не то что научился усмирять страсти, а хотя бы познакомился с ними, нужно время. И цивилизация отпускает

на эти цели несколько лет (чем примитивнее образ жизни людей, тем меньше времени отводится на подростково-молодежный возраст). Это и понятно, так как для того, чтобы детские страхи и обиды на мир внешний сменились экзистенциальным недовольством собой, страхом перед собственной спонтанностью и неуверенностью в себе, человек должен овладеть навыком жизни в собственном личностном пространстве. Если, конечно, в принципе способен на это. Так что, признавая рождение личности, общество дает возможность ей некоторое время существовать в форме подростковых личностных реакций.

Реакция эмансипации внешне может находиться в диапазоне от реального ухода из дома (сравнительно редко) до огульной критики родителей (в каждой семье). Ярче всего она проявляется в ответ на стремление взрослых вызвать на откровенность и носит защитный характер (сила действия равна силе противодействия). И это понятно, так как строительство мира в воображении – дело исключительно индивидуальное. Поделиться воображаемым невозможно, оно не имеет каналов передачи информации. О происходящем в воображении со стороны можно только догадываться по косвенным признакам.

Например, обращает на себя внимание разрыв между общепринятым и индивидуально значимым смыслом слов. С началом подросткового возраста у взрослых теряется уверенность, что их собеседник правильно понимает обращен-

ное к нему. То есть лексику он, естественно, улавливает верно, но истолковывает иначе. Э. Блейлер назвал это явление «подростковым аутизмом».

Далее, манера ставить свои представления выше впечатлений с тем подростковым снобизмом, который особенно раздражает окружающих, на деле обозначает защиту еще хрупких конструкций своего мироощущения от бесцеремонного вмешательства реальности. «Деревянная» твердость собственных отвлеченных схем вопреки ожидаемым сочувствию, сопереживанию, состраданию производит впечатление эмоциональной тупости и пугает близких (вдруг останется таким эгоистом навсегда).

И, наконец, воля, будучи израсходована на внутреннее строительство, не оставляет жизненной активности на такие мелочи, как личная гигиена или помощь взрослым, что может показаться редукцией энергетического потенциала.

В свое время Г. Гегель заметил, что подростку кажется, будто окружающий его мир распался, и он приводит его в порядок в своем воображении, так что нужно известное время, чтобы понять – мир в своих основных чертах закончен, причем, вполне разумно. Во всяком случае, с тем, что несколько лет воображение будет доминировать над впечатлениями, обыденное становится таинственным, а поведение неординарным, мир полон скрытых смыслов (как у шизоида), приходится мириться.

Реакция оппозиции выражается в своеобразной оценке

своего положения в обществе. А именно, приступая к строительству целого мироздания, человек ощущает себя в центре событий и главным действующим лицом. Вполне естественно, что и в реальной жизни его не оставляет это впечатление. Ему кажется, что окружающие обращают внимание на то, «куда он пошел, что делает, с кем общается», и ждут, чтобы он высказал свое мнение. Он как бы на особом положении. Отсюда вопиющая бестактность, которую, как правило, снисходительно прощают, отлично понимая, что взрослеющему человеку просто не приходит в голову, что он может быть хуже других. Миссия созидателя мира освобождает его от таких забот.

Вместе с тем самоуверенность не лишена тревоги, которую испытывает любой из нас, оказавшись в центре внимания кого бы то ни было. Рациональный ум подсказывает, что нужно знать меру в вещах и точно представлять себе уровень дозволенного. Это подталкивает к постоянным экспериментам с тем, что другим запрещено. Чаще всего исподтишка (важнее увидеть себя в ситуации греха, а не испытывать на себе карательную меру), чтобы осознать, в какой мере можно рассчитывать на исключительность своего положения. Ну а тем взрослым, кому в силу привязанности деваться некуда, приходится выступать в качестве подопытных. Доводить до белого каления близких, лишенных возможности протестовать, – самый прямой путь установить, чем отличаются требования, которыми принуждают других в своих интересах,

от истинных правил, которые соблюдают все. Окружающие не взыскивают строго, понимая, что «из тех, кто не мечтал в юности переделать мир, мало что получается».

Наказание, как правило, не влечет раскаяния, а вызывает враждебность и желание отомстить, либо организовать событие, которое ухудшит положение окружающих. Он запоминает происходившее не таким, каким оно было, а иначе, будто он был в центре и выглядел достойно. Отсутствие критики к себе – неизбежная черта подростковой психологии (как у параноика)

Реакция имитации обнаруживает себя поразительным однообразием внешнего облика и манеры поведения молодежи в данной культурной среде. Все похожи друг на друга, но не чувствуют никакого дискомфорта от отсутствия оригинальности. Если учесть, что подростки ни за что не хотят походить на взрослых, такая смесь разнонаправленных мотивов кажется не совсем адекватной. При этом они в упор не видят свое отражение в зеркале глазами взрослых, которые безуспешно призывают: «Посмотри, чучело, на кого ты похож!»

По-видимому, нечеткость «Я-образа» на первых порах его формирования подменяет отражение воображением, так что социальные роли, которые теснятся в голове, можно проигрывать в жизни для получения информации о своих возможностях лишь в намеренно игровой ситуации, гротескно, без претензии на реальное признание, уклоняясь от ответ-

ственности, из нее (роли) вытекающей. Ведь, как известно, в мире взрослых людей нельзя безнаказанно вводить в заблуждение, изображая намерения, которые не в силах и не хочешь реализовать, недаром подростки больше всего боятся, что их примут всерьез. А если вспомнить, что в подростковом возрасте ролевые конфликты нередко разрешаются конверсионным способом (переходом психического напряжения в физическое недомогание или расстройство функций), легко понять, почему авторы, описывавшие истерию, выделяли ее подростковый вариант.

Стремление эмансипироваться от фактов, сочетающееся с желанием обратить на себя внимание окружающих экстравагантным обликом (ориентироваться на внешнего наблюдателя) и сохранить дистанцию от угрозы потерять высокую самооценку приводит к «однообразной пестроте» и бедности «репертуара». Претендуя на оригинальность, человек, не чувствующий своего «Я-образа», всегда кому-то подражает. Богатое воображение разнообразит варианты. Людей попроще тянет к эстетике контркультур, где одним внешним сходством можно «попасть в большие забияки». А так как реакция имитации охватывает всю массу подросткового населения, сводный образ выглядит достаточно примитивно. Во всяком случае, наивные подражатели криминальным традициям составляют в этом возрасте немалый процент среди уголовно осужденных.

Реакция группирования освобождает строительство

внутреннего мира от давления социальных институтов. Проснувшееся стремление узнать себя требует защиты, получить которую в сложившейся системе общественных отношений с их достаточно жесткими экспектациями невозможно. Подростки инстинктивно создают стихийно возникающие группы, где чувствуют себя корпоративно обособленным островком архаичных социальных отношений, позволяющим экспериментировать и ошибаться безнаказанно.

Чтобы представить себе силы, побуждающие подростков сменить коллектив на группу неформального общения, достаточно взглянуть на роль лидера – своеобразного центра кристаллизации социальных отношений, вокруг которого они формируются. Это сверстник (группа, как правило, одновозрастная и однополая), наделенный талантом, который не был заметен в детстве и не будет востребован во взрослом состоянии, – чувствовать аффилиативную ситуацию, уметь своеобразно подытоживать эмоциональный настрой и выражать решительно то, чего другие хотят подспудно. В период тягостных сомнений относительно социальной адекватности своих оценок и стремлений (вдруг раздастся хохот жуткий в наступившей тишине) подросткам нужен, если можно так выразиться, аффилиативный щит – тот герой, который возьмет на себя инициативу обнаружить публично общие намерения. Следовать за ним не зазорно. Лидеру ничего не нужно объяснять членам группы, чтобы за ним последовали. И, кстати сказать, он, как правило, не озабочен

количеством сторонников. Чаще всего он ими даже тяготится.

Влияние группы не исчезает и в ее отсутствие. Подростки сохраняют верность моральным принципам (в том рудиментарном варианте, на который они уже способны в этом возрасте), принятым в их среде, особенно перед лицом официальных представителей общества и государства. Такая корпоративная солидарность, с учетом эмоциональной природы ее возникновения, может служить причиной делинквентного поведения и истолковываться окружающими как пренебрежение к установленным нормам, моральным и этическим ценностям, традициям и институтам. Отсутствие раскаяния и страха наказания, проистекающее из «неполного осознания фактического характера и социальных последствий своих действий», нередко создает у взрослых иллюзию или деградации нравов, или психопатизации, а иногда и того и другого.

Возраст избирательного отчуждения (юность)

Когда сумерки подростковых личностных реакций, стирающие детские различия (образно говоря, все подростки одинаково серы), рассеиваются и молодежь переходит к интимно-личностному выбору жизненного пути, проблемы социальной и характерологической адаптации идут своей доро-

гой. Каждый человек отдает предпочтение той или иной сфере отношений и присущей для нее манере поведения. Здесь мы вновь используем несложную иллюстрацию.

Если ролевую структуру личности (см. рис. 7 на стр. 27) окрасить по уровням (чем глубже, тем интенсивней штриховка) и разместить ее в пространстве, очерченном основными сферами общения, выводы о желательном и неприемлемом напрашиваются сами собой.

Человек системы (рис. 8)

Система, имеет набор инструкций, следуя коим человек защищается от ожиданий семьи и давления среды. Акцентуированный чиновник, пряча за исполнительностью недостаток интуиции и мужества (а порой и интеллекта), демонстрирует там роли-функции, не чувствуя ответственности за происходящее. Но, будучи вытолкнут из «экологической ниши», оказывается перед лицом их ожиданий, совершенно беззащитным как маменькин сын в казарме.

Истерический отказ от сотрудничества в сферах семьи и среды после отставки в системе – нередкий повод для обращения к психологу. Конверсионные расстройства здоровья могут достигать большой глубины. А аддиктивная (алкогольная или наркотическая) имитация самоутверждения – вообще банальный случай в работе с людьми такого склада.

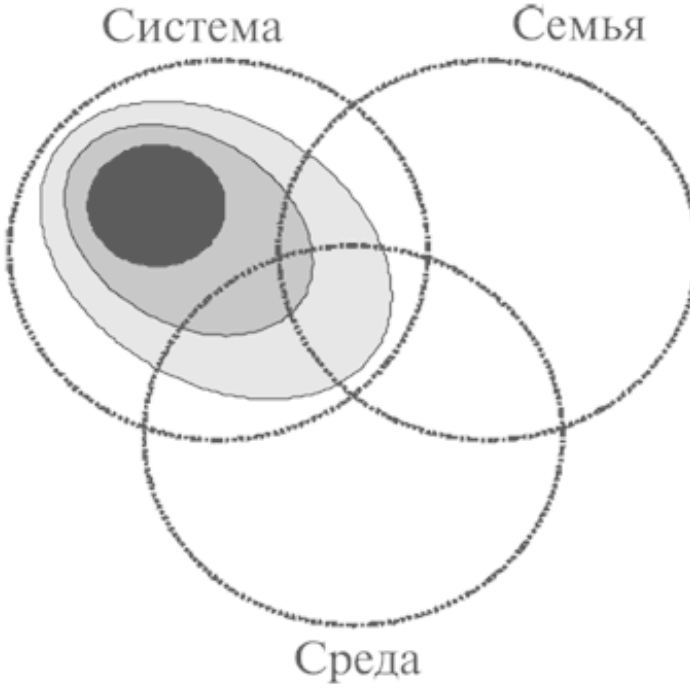

Рис. 8

Человек среды (рис. 9)

Можно оставаться формально в системе, но быть человеком среды, когда режим живет не правилами, а указаниями свыше. В нормальном обществе те, кто ориентирован на неформальные закономерности межличностных отношений, отличаются своеобразной подменой статуса подражани-

ем. Здесь нет нужды в конформизме и ином сознательном приспособленчестве. Человек отождествляет себя с лидером не на когнитивном, а на аффилиативном уровне зависимости. «Я – часть этого великого человека, я хочу того же, что и он, его внимание даже в форме помыкания возвышает меня и т. п.». Рафинированный пример примата среды – уголовная субкультура, но и в обыденной жизни немало случаев, когда люди предпочитают оставаться «под каблуком». Психические отклонения начинаются с момента, когда человеку приходится принимать собственные решения под свою ответственность. Чаще всего речь идет о внезапной потере «попечителя». После смерти супруга, тетки, заменявшей мать, нередко приходится наблюдать регресс к инфантильности.

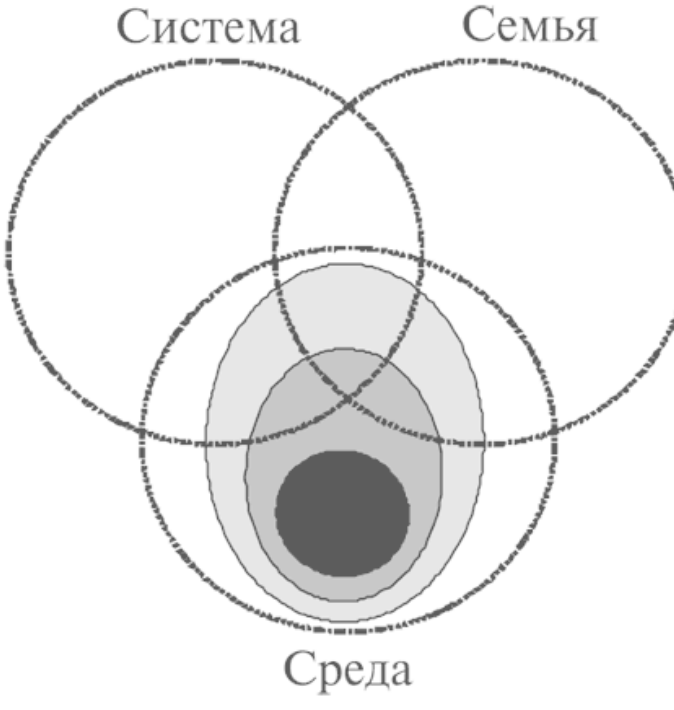

Рис. 9

Человек семьи (рис. 10)

Семья – это община в миниатюре (по Ф. Энгельсу). Человек, которому нравятся ее интересы, в принципе ориентируется на общественное мнение в своих мыслях и поступках. Его желание покровительствовать слабым, умение брать

на себя ответственность, принимать людей такими, как есть, распространяется и на систему (где коллектив под его руководством переходит на доверительные отношения), и на среду. Так что подобный склад наиболее адаптивен.

Психическое напряжение возникает, как правило, при угрозе пожертвовать сложившимися привязанностями под давлением обстоятельств.

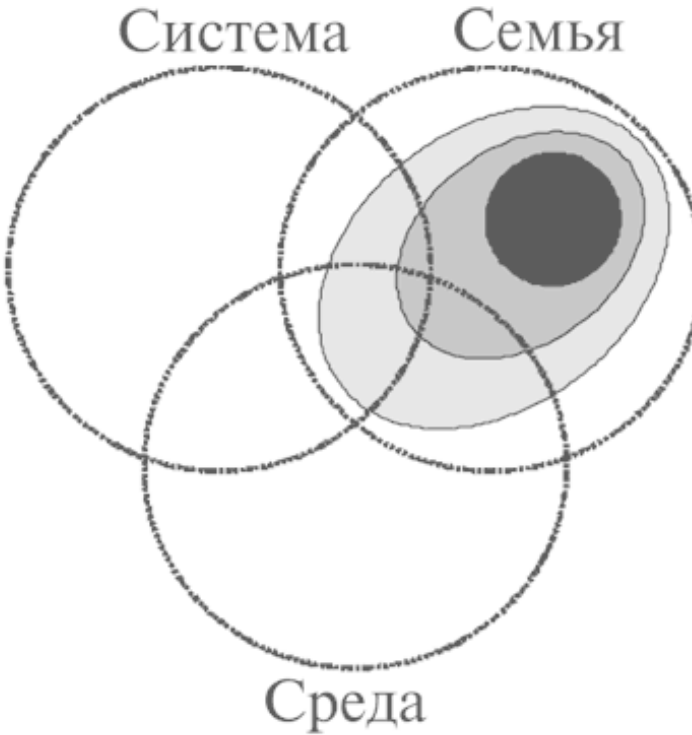

Рис. 10

Как заявила одна из героинь Г. Грина, «*Родина – это куда больше семья, чем парламентская система. Я сочувствую французским офицерам, которые в 1940 году предпочли забыть о своей карьере, а не о своих семьях*». В обыденной жиз-

ни люди такого склада очень чутко реагируют на охлаждение в семейных отношениях. Депрессия среди неудачников в семье – обычное дело.

Помимо ***конфигурации*** личностное пространство имеет такую характеристику, как ***консистенция***. Обычная метафора о «твердости духа» здесь как нельзя более кстати. Она означает, в частности, в какой мере личностное пространство может перемещаться внутри социального. Есть герои, которые начинают воевать, как только от них требуется сместить ролевую структуру с привычного места. Есть антигерои, готовые двигаться в любом направлении. «*Я поступил подло, сотрудничая с оккупантами, быть может. Но зато разумно. Этого никто мне не запретит делать. И вовсе не обязательно во всем следовать за большинством*», – говорит один из персонажей романа К. Филипповича «Антигерой». Но в обычной жизни безоговорочная твердость, как и явная беспринципность, встречается редко. Большинство людей хочет лишь в чем-то иметь корни, с тем чтобы опираться на почву, выстраивая отношения с окружающими (желательно, выбранными по собственному вкусу, а также с теми, от кого не уйдешь).

Ситуация тоже может быть разной. Агрессивной, как сельская община, которая «гнула, ломала и калечила личность», или равнодушной, предоставляющей человеку «свободу колодника, вытолкнутого в степь», но в обыденной жизни о столь серьезных конфликтах речь, как правило, не идет.

Тем не менее, между личностным и социальным пространством все время присутствуют нестыковки, заставляющие человека тратить силы на достижение гармонии, что без психических издержек удается далеко не всегда.

Литература

1. Дюркгейм Э. Педагогика и социология. // Социология. М., 1995.

2. Качоровский К.Р. Русская община. СПб. 1900.

3. Пушкин А.С. «История русского народа», сочинение г. Н. Полевого // Полн. собр. соч.: В 10 т. М., 1964. Т.7.

4. Носовский Г.В., Фоменко А.Т. Правильно ли мы понимаем историю? В 5 т. М., 2003.

5. Фукуяма Ф. Великий разрыв. М., 2007.

6. Струмилин С.Г. Наш мир через 20 лет // Избр. произв.: В 5 т. М., 1965. Т. 5.

7. Караковский А.Г. О подростках. М., 1970.

8. Сухомлинский В. Слово к отцам // Правда. 1970, от 5 янв.

9. Бобнева М.И., Шорохова Е.В. Социальная психология личности. М., 1979.

10. Войтыла К. Личность и поступок. // Независимый психиатрический журнал. 2005, № 2.

Глава 2. Педагогические издержки воспитания

Узловой вопрос – это вопрос о том, как мотивы (побуждения), характеризующие не только личность, сколько обстоятельства, в которых она оказалась по ходу жизни, превращаются в то устойчивое, что характеризует данную личность.
С.Л. Рубинштейн

Стиль воспитания зависит от культуры. В частности, чем примитивнее общественные отношения, тем больше влияние среды по сравнению с семьей и системой. В природосообразно ориентированных сообществах детей вовлекают в производство и выживание, как только это позволяют их физические и умственные способности. Да и в маргинальных субкультурах на детей смотрят как на «мелких взрослых», используя их в интересах взрослых довольно бесцеремонно. Так что детство как самостоятельная ценность в жизни людей появилась, во-первых, недавно (по данным Л. Демоза до XII века художники изображали детей как взрослых с меньшими пропорциями тела), а во-вторых, далеко не у всех. Лишь по мере того, как у человечества появились ресурсы, позволяющие каждому обеспечить «право в источниках пропитания», детям стали давать возможность играть в

жизнь, сколько нужно для развития, не отвлекая их на тяготы обыденной жизни. Пресловутый личностно ориентированный подход в воспитании стал непременным атрибутом лишь демократического уклада жизни. Тем не менее, при любом политическом и гражданском строе общество форматирует воспитательное и образовательное пространство в соответствии со своими ожиданиями к подрастающему поколению.

Образовательное пространство обычно подразделяется на три уровня (сферы). **Привилегированные** (*в дореволюционной России их называли министерскими*) школы делают ставку на систему. Там царит твердый порядок, а учитель держится в строгих рамках установленных правил. Личные достоинства педагога желательны, но они оказывают лишь косвенное влияние на детей, тогда как личные недостатки блокируются (если не искореняются). Цель воспитания – социально и профессионально надежный руководитель или специалист. «*Нам целый мир пустыня, отечество нам – Царское Село*». Коллективистический подход в школах такого типа формирует навыки жизни в системе. Здесь важнее всего твердость и ясность идеологических ориентиров (сословных, классовых, религиозных и т. п.). Учитель является членом управляющего слоя (корпуса), который командует от имени соответствующих властных институтов. В так называемой **реальной школе**, ориентированной на квалифицированного рабочего (мастерового), среда если не теснит,

то соседствует с системой. Учитель здесь должен обладать собственным авторитетом и уметь не только указать, но и призвать, вдохновить, показать пример. Он – носитель нравственных смыслов, способный на жертвы во имя принципов, еще неподъемных ученикам (быть опрятным, не поддаваться соблазнам, не заискивать перед начальством, ценить духовное выше меркантильного, не бояться среды). Образно говоря, если в «министерской» школе учитель ближе к позиции офицера, то в «реальной» – капрала. Коллективистические установки здесь ориентированы не на идеологическую обособленность, а на отождествление себя с народом вообще. На привычку ценить общественное выше личного «*Моя индивидуальность не подавляется, а возвышается, расширяется, возрождается при слиянии с обществом и государством*», цитирует Д. Неру Д. Джетиле. Люди, которые прошли эту стадию личностного развития, способны на самостоятельный нравственный выбор и готовы принять свободу как осознанную необходимость. Недаром любое общество и государство имеет некий уровень образования, получать которое обязан каждый гражданин, для чего обучение делают доступным и бесплатным. Третий уровень – **реабилитационная школа** – имеет свою особенность. Если ребенок недостаточно восприимчив к традиционным формам и методам обучения и воспитания, возрастают роль и значение семьи. Родителям приходится брать на себя многие обязанности по учебе, а учителям настраиваться на семейный лад.

Здесь основная задача состоит в том, чтобы найти ту сильную сторону характера, опираясь на которую можно было бы поддерживать у ребенка ощущение успеха. В рамках досягаемого. Ведь не секрет, что обещать что-либо детям с ограниченными возможностями нужно очень осторожно. Даже если те будут аккуратны, прилежны и послушны, вряд ли им удастся обогнать сверстников. Да и не нужно. Тщеславие им ни к чему. Их внутренний мир нужно насыщать смыслами, служение которым освободит от зависти к чужим победам. Ступеньками на этом пути являются корпоративная гордость. «Мы не такие, как все, но мы заодно и гордимся друг другом».

Естественно, сами по себе среда, система и семья живут своими интересами и к конкретному ребенку подстраиваться не намерены. Тем более – согласовывать свои действия друг с другом. Каждая из них предъявляет свои требования и ожидания, рассчитывая на то, что смежники и партнеры будут приноравливаться к ней, а дети достаточно пластичны, чтобы приспособиться к каждой по отдельности. Чаще всего так оно и бывает. Человек, как правило, вырастает общественно приемлемым существом (во всяком случае, ведет себя прилично). Но если ориентироваться на самочувствие, мироощущение и то, что называют термином «когнитивный диссонанс», то под оболочкой хороших манер мы сразу обнаруживаем если не пропасть, то омут скрытых обид, подозрений, недовольства и враждебности у людей, чье детство вро-

де бы ничем особенным не омрачалось. Популярная метафора в литературе – загляни в пропасть, где клубится туман, из которого торчат острые макушки елей – это и есть душа человека (говорит кардинал Монтанелли своему сыну в романе Э.Л. Войнич «Овод»). Да и надежда развернуть воспитательную ситуацию лицом к ребенку, по-видимому, из разряда утопий, которым людям свойственно вдохновляться в стремлениях к лучшей жизни. Однако смягчить углы, избежать крайностей, предупредить конфликты – в наших возможностях.

В своей работе мы взяли к рассмотрению три тенденции ненадлежащего воспитания (депривация, изоляция, запущенность), которые могут встречаться в «чистом виде» как явная педагогическая некомпетентность, но чаще сплетаются в конкретной судьбе не очень откровенно, но в комбинации, вынуждающей ребенка отвлекать силы и ресурсы развития на строительство психологических защит. И постарались установить суть актуального переживания (паттерн), вектор фрустрационного напряжения (драйв), вероятный и предполагаемый источник неуверенности в себе (комплекс), который с детства останется в характере человека. Определение термина «комплекс» хорошо сказано у Э. Кречмера: «У *определенно предрасположенных людей эмоциональные переживания имеют иногда тенденцию становиться чем-то вроде инородных тел и так сильно отделяться от устремляющегося дальше потока психических явлений, так обособ-*

ляться, что отделаться от них даже при желании не удается. Они не поглощаются, не могут быть просто забыты, но и не могут быть использованы для актуальных психических процессов. Они образуют самостоятельные энергетические центры, которые тягостно воздействуют на общий психический процесс. Мы называем их комплексами. В отличие от мнения Э. Блейлера и К. Юнга, которые ввели его в психологию для обозначения эмоционально окрашенного переживания».

Депривация педагогическая

Воспитательная ситуация, где главенствует установка – *«ребенок существует для того, чтобы оправдывать ожидания взрослых, и обязан слушаться их при любых обстоятельствах»*, встречается довольно часто. Детям приходится расти и развиваться под влиянием более или менее надуманных схем, которые навеяли взрослым отвлеченные представления о природе человека, или чужого примера, критически осмыслить который тем недостает педагогических способностей. Типичным примером такого рода было истолкование советской школой тезиса Л. Выготского «обучение обгоняет развитие». На уровне простого житейского опыта это положение истолковывается как необходимость ставить ребенку досягаемые задачи в зоне ближайшего развития с учетом: а/ перспективы актуального развития, вытекающей из возрастной психологии; б/ реальных возможностей ребенка с учетом его индивидуального склада. Однако советская школа не была бы сама собой, если не поставила бы интересы общества выше элементарного здравого смысла. Так появилась установка: *все, что дается ученику методически грамотно, должно быть усвоено*. Подтянуться к правильным темпам развития мешает (при отсутствии медицинских противопоказаний) лень и дурные наклонности. С вытекающими из такой позиции методами воспитания. И, несмотря на то, что

еще в тридцатые годы XX века наркомату просвещения было указано на недопустимость педологической дискриминации, даже в восьмидесятые годы институтская профессура педагогических ВУЗов объясняла, что их дело – обучить студентов правильно вести уроки, а на вопрос, что делать, если традиционные формы и методы не воспринимаются и нужен реабилитационный подход, следовал однозначный ответ – это дело врачей и забота родителей. Его величество шаблон чувствует себя в сфере образования очень комфортно. Да и многие родители охотно перенимают привычку командовать бесцеремонно, безапелляционно и безграмотно. В каждом возрасте это дает свой результат.

В *младенчестве* депривация выглядит как перегрузка ответственностью, самостоятельностью, для которой еще нет ни сил, ни интересов. «Ребенок должен сам справляться со своими страхами», «проревется – успокоится» – подобные рецепты, когда дети просто устают и засыпают, а не делают выводы, на которые совершенно неспособны, далеко не редкость в обыденной жизни. Вынужденный полагаться на себя, когда взрослые рядом, ребенок испытывает эмпатийный холод. Его собственные чувства смещаются в воображение, направлены на игрушки (животных, если таковые имеются). Любознательность к реальному миру бледнеет. Такой отрыв внутреннего мира от ожиданий со стороны взрослых при хороших манерах и неплохом умственном развитии вполне может остаться в характере и на последующие годы.

В *дошкольные* годы детям часто навязывают школьные стандарты поведения, для усвоения которых может быть и есть интеллектуальные предпосылки, но личность еще не созрела. История нашей страны знает период, когда из бездумного подражания Западу учить в школе начали с шестилетнего возраста. Со свойственной ей манерой обращения с детьми. Коли дети могут научиться читать и считать раньше, почему бы нагрузить их по полной программе? Должны были пройти годы, пока педагоги не усвоили простую истину, что интеллект и личность – разные вещи. С детьми можно и нужно играть в развивающие игры (тратить средства на книжки с картинками, тетрадки с задачками, конструкторы и т. п.). Они научатся еще до школы многому, на что предки тратили время за партой. Но делать это нужно не в казарме первого класса, где все отношения построены на страхе когнитивного диссонанса. Его еще нет. Хорошо, что дети забывают прошлое (что бы мы делали, если бы детские годы не пропадали из памяти?). Теперь никто не помнит о проблемах начальной школы восьмидесятых годов прошлого века. Но традиция никуда не делась. Коли «обучение обгоняет развитие», а мы никуда не ушли от психологии советской школы, соблазн учить тому, что ребенок может усвоить при известном нажиме, а не приноравливаться к естественным темпам психического (личностного) развития, будет оставаться.

Нагрузка на память вместо рефлексии и креативности

формирует привычку отчитываться знаниями, а не использовать их. Рассудок получает преимущества над интеллектом. Стремление узнать новое и удивиться сменяется желанием увидеть знакомое и успокоиться. В отношение к учебе закладывается фундамент немудрствующего отличника. Когда умственные способности достаточны. Если же таковых недостает, давление по мотиву «мы не должны быть хуже других», идущее, как правило, от родителей, вызывает негативное отношение к культуре и способствует появлению первых признаков **комплекса аутсайдера**, когда надежда на успех и удачу дистанцируется от официальных побед.

В *младшем школьном* возрасте педагогическая депривация чаще всего выглядит как преждевременное и неразумное использование коллективистических методов в воспитательных целях. Пока дети еще не вышли из-под влияния среды и семьи, пока они только вступают в пространство системы с присущими ей ценностными ориентациями, страх когнитивного диссонанса – не просто большая, а непреодолимая сила. Какое-то время учитель должен оставаться в глазах детей лидером, вожаком (царь, бог и судья), главным, но по-человечески в чем-то доступным. Тогда под прикрытием его авторитета общие достижения становятся принадлежностью каждого. На это уходит довольно много времени, но если удается сделать коллектив притягательным для самоутверждения, естественная потребность отождествлять себя с окружающими станет развивать личность в нужном

направлении.

Если же общественное мнение превращается в инструмент давления на ребенка, у которого и без того ничего не получается, он теряется в еще незнакомой для него ситуации. Необходимость внешнего послушания, замешенного на недоверии к еще не постигнутым отношениям, отрывает внешние значения от внутренних смыслов. Хорошие манеры становятся неискренними. Даже у обычных детей с их не такими уж серьезными проблемами. Если же ребенку школьная адаптация дается с трудом из-за ограниченных возможностей, а родители твердо стоят на формально-педагогических позициях, актуальное переживание окрашивается чувством беспомощности. Хорошо, когда коммуникативные задатки достаточны, чтобы вызвать личную симпатию в обход требований к учебе и дисциплине, тогда можно пойти на компенсаторно-уступчивые варианты психологической защиты. Иначе остается единственный способ снятия фрустрационного напряжения – считать любой знак внимания со стороны системы возвышающим и начать любить унижающую тебя силу просто за то, что она заметила факт твоего существования. **Комплекс аутсайдера**, которому свойственно гордиться помыкающей властью и хотеть помыкать самому, именно сейчас, когда дети еще не только не могут выразить, но и осознать происходящее в их внутреннем мире, пускает корни вглубь формирующегося характера.

В *отроческом* возрасте давление со стороны системы те-

ряет свою прежнюю силу. Возможность дезавуировать его по типу «исключения третьего» у тех, кто может рассчитывать на понимание и поддержку семьи и среды, очень облегчает воспитательную ситуацию. Если же родители остаются стойкими приверженцами своей воспитательной схемы и в этом солидарны с педагогами, не менее твердыми в своих системных установках, дети могут оторваться в среду в поисках «экологической ниши». В крайних вариантах это выглядит как побег из дома и бродяжничество. Хотя и не часто, так как воспитанным детям (навыки и привычки подчинения и послушания все-таки устоялись) вписаться в «уличное племя» очень непросто. Если же личной смелости и характера на такой шаг достает, отчуждение от культурного сообщества выглядит не только демонстративно, но и весьма рискованно. Такие отчаянные головы с хорошими манерами нередко становятся среди бродяжек, токсикоманов и воришек заметными фигурами. По счастью, на такой протест решаются единицы. Остальным остается страдать менее заметно. Боязнь социальной стихии, где не только нужно отстаивать свои позиции, но и, важнее, знать неписанные правила и чувствовать другого (что дается годами практики), заставляет уходить на позиции деперсонализации, благо виртуальный мир доступен каждому. Отрыв внутренних смыслов поведения от формальных значений становится все заметнее, хотя рисунок поведения может и не вызывать тревоги у родителей и педагогов. Именно сейчас конформизм (нежелание спорить

с единодушно ошибающимся большинством) как установка социальной позиции добавляет к комплексу аутсайдера разумное обоснование. Система удобна для достижения личных целей, так что с ней лучше не спорить, даже если она тебе не нравится, а использовать в своих интересах. Постепенно настаивать на своем вопреки установленному порядку начинает казаться неестественным.

В ходе второй Мировой войны американцы столкнулись с фактом, которому поначалу не видели объяснений. Японские солдаты, фанатично стойкие в траншеях, будучи помещены в лагеря для военнопленных, сразу становились образцово послушны, хотя им никто не угрожал. Как оказалось, те, попав в системные условия, подчинились порядку, так как противопоставлять ему свою волю им просто не приходило в голову.

Как заметила А. Фрейд, у прекрасно воспитанных в приютах детей хорошие манеры неискренни.

В *подростковом* возрасте, когда реакция эмансипации заставит искать внутренние смыслы поведения, слабость ядра личности начнет чувствоваться особенно болезненно. Образно говоря, скорлупа ролей-функций, навязанных в детстве, начнет сковывать спонтанность, необходимую для роста изнутри.

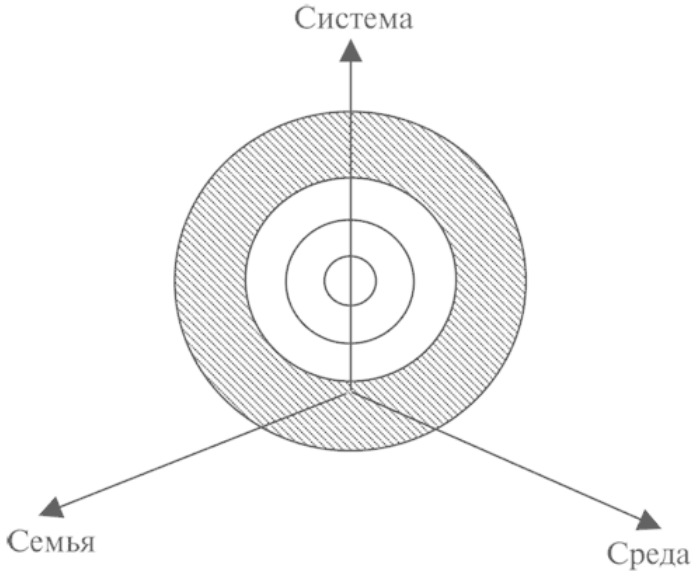

Рис. 11

В пространстве, обозначенном тремя сферами (семья – система – среда – рис. 11), личность подростка, воспитанного в обстановке педагогической депривации, будет располагаться, естественно, ближе к системе. Вплоть до того, что воспринимать ее как «экологическую нишу» с теми защитными механизмами, которые будут обращены к семье и среде. В то же время, консистенция самой личностной структуры будет неоднородной. Слой ролей-функций мы закра-

сили темной штриховкой, чтобы показать их закоснелость. Остальные же слои (статусы и принципы) будут инфантильно-расплывчатыми, недостаточно развитыми, на них невозможно опереться, тем более – соприкасаться ими с реальной жизнью.

Опыт взаимодействия с реальностью, которая не прощает наивности, приходится наверстывать путем проб и ошибок. Как правило, неизбежных, что вызывает разочарование в своей натуре. Подростку, зачастую просто неопытному и растерявшемуся от незнания, как себя правильно вести, кажется, что он слаб, зависим, труслив. Ожидание поражения при выходе на уровень ролей-статусов, а, тем паче, принципов, окрашивает самовосприятие чувствами страха, тревоги, неуверенности в себе. Актуальное переживание – досада на свою бесхребетность, бывает нередкой причиной враждебности к близким, которые, не улавливая причины ее появления, тоже впадают в панику, сомневаясь, не начались ли психические расстройства. Все это укладывается в картину кризиса переходного возраста или аномального пубертатного периода.

По логике нормального развития вектор драйва должен был бы быть направлен вне системы на компенсацию слабости характера. Но для этого нужна смелость, которой достает далеко не каждому. Вылазки наружу вполне закономерно приводят к болезненным столкновениям и заставляют возвращаться под защиту социальных институтов, кото-

рые тяготят, но уберегают от рисков. Приходится поневоле и дальше совершенствовать слой ролей-функций. Так формируется защитная тенденция, которую К. Леонгард обозначил как «педантичная акцентуация характера», при которой добросовестность, производящая впечатление твердолобости и формализма, наполнена страхами оказаться в ситуации, где потребуются искренние чувства, что вынуждает порой защищаться от реальности при помощи навязчивых страхов и ритуалов. Особенно в обстановке так называемой неконгруэтности экспектаций. Например, когда подростки, приученные к неизменному соблюдению этикета, «девушкам вашего круга нужно приличия знать», попадают в иначе ориентированную воспитательную ситуацию. В истории СССР было время, когда всех выпускников средней школы направляли в профессионально-технические училища для трудового воспитания. И контингент учащихся, ранее комплектовавшийся из представителей рабочего класса, как и преподавательский корпус, стал значительно сложнее психологически. Дети интеллигенции возмутились манерой обращения с ними, а мастера производственного обучения (мне пришлось гасить конфликт в училище для портних) объясняли, что этим (нецензурной манерой выражаться) они хотят наладить контакт, показать, что здесь все свои, мы заодно и не будем стесняться. Для юношей испытателем такого рода служит казарма. Но и без подобных этических перегрузок, в обыденной жизни, когда вероятность интервенции внешних обсто-

ятельств внутрь личности только предполагается, опасения оказаться беззащитными вполне достаточны, чтобы закрепить комплекс аутсайдера с инверсией ожиданий («это вы ненавидите меня, а не я вас»).

> *В реализации спонтанности очень вероятно появление диспропорции между чувствами и мыслями (по Н. Мак-Вильямс), в предпочтениях – стремление отгородить свою личную жизнь от любого личностно значимого переживания (по М. Люшеру), в побуждениях – сублимации интимно-личностного в общественно значимое с подтекстом из мстительно окрашенных чувств (по Л. Зонди)*[4].

В последующие годы тем, кто был воспитан в обстановке педагогической депривации, чувствуя себя неудачником (не соответствовал экспектациям), вполне вероятно заполучить то, что принято называть термином «дезадаптация».

Если вы увидели, что взрослый и воспитанный мужчина бросает окурок, где стоит себе под ноги, можете быть уверены – он из числа тех, с кем женщины обращаются бесцеремонно. В душе он аутсайдер и они это чувствуют.

Привычка относиться к успеху как результату стечения благоприятных обстоятельств, а поражению – логичному следствию своей несостоятельности, войдя в характер, фор-

---

[4] Желающим составить мнение о перечисленных тестах и узнать концепции их авторов рекомендуем ознакомиться с их работами, перечисленными в списке рекомендуемой литературы и материалами приложения № 2.

мирует очень своеобразное мироощущение.

На рис. 12 почва – недостаточная конкурентоспособность в силу ограниченных возможностей.

Ситуация – нескрываемое разочарование окружающих в своих ожиданиях.

Паттерн – ощущение слабости ролей-принципов, нуждающихся в защите.

Драйв – стремление уберечь роли-статусы от интервенции из вне.

Рис. 12

Защита – стилизация позиций (компенсаторно-уступчи-

вая, демонстративно-оппозиционная, уход в воображение).

Компенсаторно-уступчивый вариант психологической защиты встречается по жизни часто. Это нормальное состояние того, кто не может угнетать другого. Уступчивость, готовность выполнять неблагодарные обязанности, скромность запросов, которые производят впечатление альтруизма, чаще всего лишь способ обойти фрустрирующее препятствие. Кстати сказать, далеко не всегда означающий притворство. Искренность аффилиативного стремления переводит мотивацию на эмоциональный уровень, где себя не нужно принуждать. Все происходит как бы само собой.

Недаром те, кто преодолел трудности адаптации и смог выйти на уровень конструктивных отношений с окружающими, зачастую не чувствуют признательности к тем, к кому липли (по Л. Зонди) в минуту жизни трудную.

Если компенсаторно-уступчивый вариант не приносит психологической разрядки, вполне вероятен аддиктивный путь уклонения от внутреннего конфликта. Аутсайдеры предпочитают опьянение и их можно понять. Иллюзорная самодостаточность, призрачная власть над окружающими, которые приносит алкоголь, позволяют сбросить тягостное бремя чуждых по духу ролей-функций. Поначалу это всего лишь факт личных предпочтений, но со временем начинается поиск собратьев по духу, нередко на уровне элементарного желания быть принятым без каких-либо условностей.

Отдельно следует упомянуть вариант, когда подростки,

воспитанные в обстановке тягостной для них педагогической депривации, воспринимают реакцию эмансипации с излишним энтузиазмом и идут на риск контакта с наркотиками по наивности.

Демонстративно-оппозиционный вариант дает о себе знать, когда компенсаторно-уступчивый себя исчерпал, а характер достаточно тверд. В поведении появляется дерзость отчаявшегося. В школе это бросается в глаза, когда вчерашние адьютанты и порученцы учителя превращаются в «тупоумных кривляк» и начинают дерзить ни к селу, ни к городу. Став взрослыми и чувствуя свою аффилиативную непривлекательность, вымещают досаду на тех, кому обязаны. «*И теперь в застиранном халате / на меня орет она с утра, / вот, что мы имеем в результате / нами нанесенного добра. / А еще орет она на Верку (дочь) / и на всех подряд она орет*», – отметил как-то И. Иртенев. Но иногда стремление противопоставить себя угнетающей системе приобретает форму жертвы. «Знаете ли, Родион Романович, что значит у иных «пострадать»? *Это не то, чтобы за кого-нибудь, а так просто «пострадать надо»; страдание, значит, принять, а от властей – тем паче. Так вот, я и подозреваю, что Миколка хочет «страдание принять» или вроде того. Это я наверно, даже по фактам, знаю-с. Он только сам не знает, что я знаю. Что, не допускаете, что ли, чтобы из народа выходили люди фантастические? Да сплошь*». (Ф.М. Достоевский)

Гораздо многообразнее по своей картине *отщепление*

чувств от рациональных мотивов поведения. Когда воображение становится источником эмоций, человек отчуждается от реальности, выбирая путь, ведущий к поражению. Нередко – в творчестве.

Таковы общие тенденции. Во что они выльются в конкретной судьбе человека с учетом его предпочтений, побуждений, влечений, зависит от многих факторов. В частности, от тех отклонений в психическом развитии, которые мы будем рассматривать дальше. Но свое значение имеет и этическая традиция, присущая нашему национальному характеру (о чем мы говорили в первой главе). Автократический режим, где носитель власти видит свое преимущество в возможности не церемониться с личностью подчиненного, весь основан на комплексе аутсайдерства. Недаром в России официальное обращение к старшему «твой раб» держалось до начала XIX века. И «путь, ведущий к поражению» легко сменял уступчивую законопослушность масс. С ролями-статусами у нашего народа не ладится. С этим приходится считаться. Как заметила в своей работе «О русском национальном характере» К. Касьянова, по уровню влияния психических особенностей на мотивы поведения мы недалеко ушли от возраста, при котором доминирует потребность в отождествлении. Так что, оценивая роль педагогической депривации в формировании личности отдельного человека, не следует упускать из вида, в какой мере его воспитательная среда в целом продвинулась в направлении демократии, а в

какой – осталась верна нашим привычным архетипам.

Изоляция психологическая

Родители – невротики воспитают своего ребенка невротиком, какой бы системы воспитания они ни придерживались. Эта поговорка психологов, к сожалению, навеяна реальной жизнью, хотя и звучит пессимистично. Ведь когда мироощущение взрослых окрашено тягостными предчувствиями, а воображение – тревожными ожиданиями, они не только окружают свой быт забором всех и всяческих опасений, но и превращают своих детей в «сосуд для проекции собственного бессознательного». Так что «мягко забитые», по выражению П.Ф. Лесгафта, дети вырастают чем-то похожими друг на друга. Здесь срабатывает несколько механизмов. Во-первых, концентрация внимания на ограниченном круге впечатлений при их монотонной повторяемости всегда ведет к утрате способности самостоятельно управлять своими действиями. Во-вторых, удерживая ребенка при себе, взрослые невольно заставляют его приноравливаться к своим взглядам, вкусам, интересам, еще не нужным, непонятным и недоступным детской психологии. В-третьих, родители вместо того, чтобы переживать вместе с ребенком, начинают переживать вместо него, как бы присасываясь к его источнику эмоций, а не пополняя его. Естественно, воображение начинает играть явно неадекватную роль в развитии личности.

В *младенчестве* дети только радуются ежеминутному общению с взрослыми, особенно с родителями, так как присутствие матери исчерпывает их потребность во внешних впечатлениях. Темпы развития задатков личности притормаживаются, но «затисканные» дети не чувствуют себя несчастными. Дефицит самостоятельности еще не дает себя знать. Тревожность же перетекает и впитывается в душу незаметно (матери достаточно вытереть нос ребенку нервным движением, чтобы вся ее неуверенность в себе передалась ему полностью).

В *дошкольном* возрасте ощущение глухой враждебности мира становится отчетливее. Тем более, что родители могут изолировать ребенка от притока внешних впечатлений не только психологически, но и фактически. Лично я, уже будучи на склоне лет, до сих пор вспоминаю со жгучим стыдом, как мы – дети, приехавшие на лето в деревню, бегали в лес и поле мимо дома пастухов, где томилась наша сверстница, которую родители закрывали на ключ до своего возвращения со стадом. Бедный ребенок всеми силами старался заманить нас к себе, но нам было запрещено ходить в этот дом, так как пастухи считались чужаками. И хотя такой удел все-таки редкость, работая с детьми, время от времени приходится сталкиваться со случаями, когда родители-отщепенцы ведут вместе с ними очень замкнутую жизнь. Ну, а тех, кто зациклен на семье, вообще много среди невротиков. Дело в том, что именно в дошкольном возрасте просыпается инте-

рес к рождению и смерти. Сейчас дети боятся, что близкие умрут, хоть и не понимают до конца, в чем это состоит. Но тревога есть. И если от родителей слишком многое зависит, если они – центр жизни, страх за них нередко приобретает невротическую окраску. Обкусывание ногтей, булимия, ночной энурез – нередкие спутники психической изоляции. Начинается закладка **комплекса «живущего в норе»**.

В *начальной школе* многое зависит от успехов в учебе. Если все складывается хорошо, домашний ребенок становится любимчиком учителя и продолжает развиваться как бы в скорлупе отношений, напоминающих семейные. В частных школах, куда родители отдают своих детей, полагая, что тем в обычном коллективе будет не по себе, такой стиль отношений специально культивируется. Если же успехи сомнительны или вовсе недосягаемы, а система и среда не склонны к поблажкам, школа оправдывает уже впитавшиеся тревожные опасения. Дети стремятся инстинктивно сохранить примат семьи в оценке внешних значений, что только усугубляет отчуждение. В обычной школе учитель не может допустить главенства родительского мнения над своим, даже если бы этого хотел. В глазах остальных он – власть. Он уберегает от когнитивного диссонанса. Он не может быть не прав. У тех же, кто хотя бы исподтишка ориентируется на родителей, зреет чувство скрытого превосходства над системой. Тот зародыш позиции отщепенца, который в дальнейшем позволит скептически относиться к ожиданиям со стороны

общества и государства. Пока все это выглядит как обидчивость и упрямство, не лишенные ипохондрической окраски (стремления склонить ситуацию в свою пользу, изображая болезнь). Как известно, «маменькины сынки» часто бывают симулянтами.

В *отроческом* возрасте индуцированная родителями невротическая предрасположенность обрушивается на них самих. Пренебрежительное отношение к системе (за счет прочного тыла) с готовностью конфликтовать с учителями и тревожное – к среде, где воображаемые страхи становятся вполне реальными, резко сузили возможность занять достойное положение в обществе. А это одна из основополагающих потребностей возрастной психологии. Вынужденные сидеть в «экологической нише» семьи, дети привычно ждут, что та возьмет на себя их проблемы, а она уже не в состоянии это сделать. Общение с родителями начинает напоминать отшельничество. И многие идут на это, лишь бы уберечь детей от испытаний реальной жизни подольше. В моей экспертной практике был случай, когда родители гордились тем, что их 12-летний сын целый год изо дня в день сидел с отцом и лепил с ним крепость из пластилина, за что дали какую-то премию. Когда же повзрослевший подросток оказался в совершенно нелепой криминальной ситуации из-за своей потрясающей неопытности (речь шла об убийстве), мать никак не могла понять, что плохого в том, что ребенка ограждали от дурных уличных примеров.

Естественно, столь эксвизитный случай явно нетипичен по результату, но как выразитель тенденции вполне соответствует психологии воспитания в изоляции. В душе отрока появляется и нарастает то, что в англоязычной психологии называют термином splitting (утрату эмоционального интереса к реальным впечатлениям, перенос эмоций в воображение, замену общепринятых смыслов на индивидуально значимые). В отличие от shisis, где ведущую роль играет патогенез, здесь речь идет исключительно о способе защитного поведения на неправильное воспитание. Так закрепляется **позиция отщепенца**. А поскольку за пределы семьи выйти становится все труднее, родители из потребителей, паразитирующих на детских эмоциях, превращаются в доноров, а дети – в требовательных эгоистов, ревностно следящих за тем, чтобы те не расходовали свои чувства на стороне.

В *подростковом* возрасте перенос локуса контроля внутрь личности и отрыв самооценки от уровня притязаний с готовностью истолковывать небрежное отношение к себе со стороны окружающих как враждебное завершает свое формирование. Реакция эмансипации, будучи не в силах вырваться за пределы «экологической ниши», направлена на укрепление ролей-статусов. Роли-функции, маневрировать которыми нет навыка, игнорируются как малозначимые («я такой – какой есть и отстаньте от меня»). Роли-принципы, лишенные первой линии обороны, оказываются уязвимы, что заставляет выстраивать дополнительные редуты из снобизма.

Материала хрупкого, но легкодоступного. А поскольку потребность в социальных экспериментах все-таки подогревается спонтанностью, «домашние дети» могут оказаться наивно доверчивыми или безрассудно смелыми (от незнания) в чуждой по духу и враждебно настроенной среде. Понятно, что первые же столкновения с безжалостной и целесообразной жизнью заставляют большинство из них возвращаться в обстановку привычной социальной изоляции. И семье приходится становиться ареной приобретения опыта межличностных столкновений. Недостаткам близких людей придается слишком большое значение, а на утрясание конфликтов с ними уходит очень много сил. Бесконечное самокопание и внутрисемейная рефлексия закладывает прочный фундамент отчуждения в отношениях с людьми, не утратившими здравого смысла в оценке масштабов жизненного пространства и склонных воспринимать подобную драматизацию как занятие мелкое и ненужное. Став взрослыми, люди, выросшие в обстановке семейной изоляции, сохраняя о себе благоприятное мнение и даже излишне самоуверенные в привычном кругу, зачастую оказываются некстати в обычной жизни, где никто не хочет принимать их соответственно притязаниям.

Специфику характера можно представить себе следующим образом (рис. 13).

Роли-статусы мы закрасили более темной штриховкой, чтобы показать их приоритетное значение в структуре лич-

ности. С учетом того, что смыслы поведения будут формироваться преимущественно в сфере семейных ценностей, и даже включать в себя элементы психологической защиты по типу экологической ниши. Естественно, спонтанность, лишенная возможности дойти до уровня функций, где она распыляется на игру условностями, будучи реализована на уровне статусов, драматизирует значение лично значимого (признаваемого лично значимым). Человеку свойственно создавать психологическую защиту из традиций, верность которым позволяет ему чувствовать себя увереннее в себе. Так закрепляется позиция отщепенца, который видит свое преимущество в готовности признать свою никчемность перед официальными ожиданиями со стороны государства и общества, чем возвыситься над «презренной пользой». Это залог и способ психической средовой адаптации, пока жизнь не заставит всерьез считаться с интересами окружающих. Например, когда любовь придет в конфликт с установками.

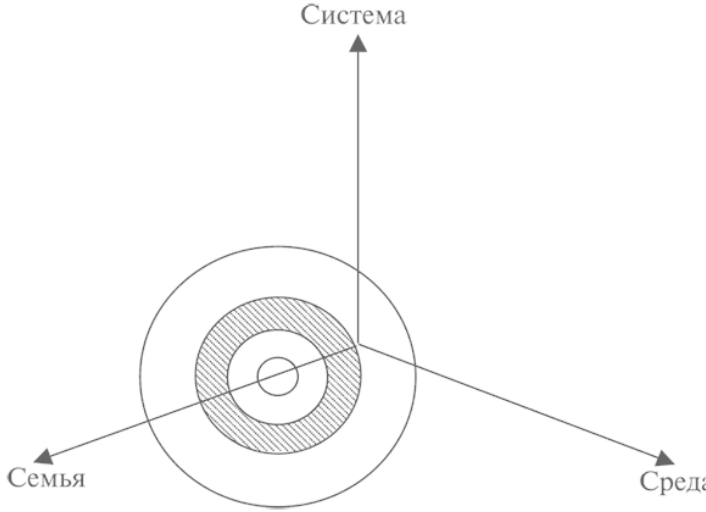

Рис. 13

Успех видится вдали от долга и ответственности, а угроза переразражения располагает к аддиктивному уходу от действительности и стремлении отгородиться, так как выигрыш не имеет значения (по М. Люшеру).

Преобладает тенденция переносить вовне то, что создано воображением с иллюзией достижения и вытеснением отрицательного результата, игнорирование потребности в общении с позиций ранимости, упрямства, зависти к чужим успехам (по Л. Зонди).

Сочетание отсутствия критики с грандиозностью

самооценки (по Н. Мак-Вильямс).

Позиция взрослого человека с комплексом отщепенца выглядит как **деинституализация**.

Скромных отщепенцев не бывает, разве что застенчивые.

Отщепенцы – те, кого, по словам Ф. Ницше, «всякая общность принижает», и они «*не желают принимать и выполнять требования среды как личностно значимые, а также реализовать свою индивидуальность в конкретных социальных условиях*» (по Ю. Клейбергу). При этом далеко не всегда, а чаще и вовсе без того, чтобы быть сильно угнетаемыми, обиженными или брошенными на произвол судьбы. Как отмечал А. Герцен, «*самобытность еще не всегда есть вражда с обществом. Противодействие, возбуждаемое в человеке окружающими, – ответ его личности на влияние среды. Нравственная независимость человека – такая же непреложная истина, как и его зависимость от среды, с той разницей, что она с ней в обратном отношении: чем больше сознание – тем больше самобытность, чем меньше сознание – тем связь со средой теснее, тем больше среда поглощает лицо*».

Так бывает в обычной жизни, но поскольку мы берем к рассмотрению девиантное развитие личности, где обычные причинно-следственные отношения предстают в заостренном, гротескном варианте, то и остановимся на тех случаях, где это отчуждение предстает как психологическая защита

от неблагоприятного стечения обстоятельств (рис. 14).

Почва – особенности психического склада, когда мир воспринимается без той убедительности, которая гарантирует уверенность.

Ситуация – социальная изоляция в детстве в кругу взрослых (семьи), которые настороженно относятся к миру из-за своей невротичности или отчуждения иного рода.

Рис. 14

Паттерн – тонкая оболочка ролей-функций как причина тревожных ожиданий.

Драйв – переключиться в воображении на образ мира, подходящий как среда обитания и носитель ценностных ориентаций.

Защита – уход в когнитивное пространство, освобождающий от аффилиативной напряженности.

Поход в мир воображения, чем бы он ни был вызван, всегда имеет следствием отчуждение не только от тех, кто «не своего круга», но и от людей схожей судьбы. Если отщепенцы и объединяются, то не столько по велению чувств, сколько в рамках некой более или менее отвлеченной идеи, чтобы вскоре схлестнуться на почве не менее отвлеченного противостояния. Мысль как источник чувств поворачивает вектор интересов внутрь личности, делая человека неимоверным эгоистом, равнодушным к живому социальному окружению. Слабость или даже отсутствие аффилиативной сплоченности можно проследить по многим примерам. Начиная с исторических, когда носители сверхценных идей подвергали народ (в масштабах, которые были им доступны) страданиям, до обыкновенных невротиков, демонстрирующих в эксперименте по исследованию аффилиативной заинтересованности полное равнодушие к позиции группы.

Самодостаточность делает такого склада людей довольно устойчивыми в привычных обстоятельствах, когда равновесие с обществом и собой достигнуто. Они прочно держатся за свои привычки, выстраивая образ жизни по модели крепости (снаружи бастионы мнений и предпочтений, далее сте-

ны социальных ориентаций, за которыми располагается башня принципов). Любое сближение с людьми на почве симпатий приобретает характер сражения, почувствовав неизбежность которого, предмет сердечной склонности, как правило, предпочитает уклониться от таких проблем. Постепенно общение с собой обретает своеобразную привлекательность, а желание выйти за стены окостеневших привычек становится все слабее. Чтобы попасть в маргинальную среду, где люди соприкасаются ролями-статусами (чем она и привлекательна), жизнь должна поставить отщепенцев в неординарную ситуацию, когда неконгруэнтность ситуации истощает приспособительные возможности. Устав от необходимости приноравливаться к тому, что не нравится, отщепенцы склонны к импульсивным реакциям отказа и разрушения, в результате которых вполне могут оказаться на обочине жизни. Диапазон здесь самый разный, от разрыва отношений с близкими «в один момент», до вполне реального покушения на жизнь «как снег на голову» для окружающих. «Все было как обычно, а он вышел в другую комнату и застрелился», – такую, или примерно такую, фразу мне приходилось слышать от примитивных умом, но упрямых характером вдов в своей экспертной практике. Естественно, в обыденной жизни речь идет о чем-нибудь попроще: внезапное увольнение без подготовки нового рабочего места; уход из дома, «срыв» в запой и т. п., по мотиву «потом хоть трава не расти» и «все как-нибудь образуется». Самовольное оставление воинской части

больше других присуще именно семейно изолированным в детстве юношам с привычками отщепенца.

В маргинальном варианте отщепенцы ведут себя соответственно той защитной тенденции, которую характер впитал с детства. Бродяжничество (после того, как все брошено, а строить заново не хочется) выглядит как отшельничество, затворничество, отказ даже от тех примитивных институциональных схем, которые возникают в среде бомжей, не лишенных аффилиативной тяги к отождествлению с себе подобными.

Пьянство у отщепенев (в отличие от аутсайдеров) не пробуждает и не стимулирует аффилиативности. Будучи ориентировано на себя, оно вписывается в образ жизни, избранный человеком по собственному вкусу: ежедневное расслабление после тягостной неконгруэнтности; запой в предвидении социального «срыва»; сентиментальное сострадание к самому себе, оправдывающее пассивную бездеятельность и т. п. Об одном из вариантов писал С. Довлатов, чей текст я привожу по возможности без купюр. «*Строжайшая установка на гениальность мешала овладению ремеслом, выбивала из будничной житейской колеи. Можно быть рядовым инженером. Рядовых изгоев не существует* (*здесь мы расходимся в истолковании термина, который для нас не метафора, а дефиниция и означает социальную дезинтеграцию – Б.А.*). *Сама их чужеродность – залог величия. Те, кому удавалось печататься, жестоко расплачивались за это. Их*

душевный аппарат тоже подвергался болезненному разрушению, многоступенчатые комплексы складывались в громоздкую безобразную постройку. Цена компромисса была непомерно высока. Ну и, конечно же, здесь царил вечный спутник российского литератора – алкоголь. Увы, я оказался чрезвычайно к этому делу предрасположен. Алкоголь на время мирил меня с действительностью».

И, наконец, делинквентное поведение. В мотивы противоправного посягательства у отщепенцев просачивается очень своеобразное жертвенное начало, в форме ненужного риска, не вызванного и не оправданного обстоятельствами. Да еще при совершении деяния, не имеющего прямой выгоды. Например, если брать крайние случаи, кража у своих (крысятничество) относится к числу страшных грехов, начиная с детства, а в условиях уголовной субкультуры вообще смертельно опасно, и идут на него люди из числа отверженных. Каждый оперативный работник мест лишения свободы отлично знает, что о подготовке какой-то запрещенной акции ему донесут именно такого склада люди. Преступление не для того, чтобы отомстить или воспользоваться, вообще очень интересный феномен. Мотив, подталкивающий на него изнутри личности, как бы окрашен служением некому идолу, на алтарь которого приносится свидетельство своего пренебрежения земным. Особенно это бросается в глаза в поведении «безмотивных» убийц. Поражает бравада опасностью разоблачения на момент совершения преступления.

Человек вроде бы хочет, чтобы его увидели, а после задержания (кстати сказать, именно тех, кто не особо скрывается, поймать бывает особенно трудно) никто (из тех, с кем мне приходилось работать) угрызений совести не демонстрировал и, скорее всего, их не испытывал.

Когда же речь идет о гражданском неповиновении, люди с психологией отщепенца обязательно доминируют среди тех, кто приносит жертву. Лишь потом, когда первый этап пройден, появляются аутсайдеры, готовые мстить всем и вся, изгои, которые не прочь поживиться, и остальные социально отчужденные элементы. *«Социалисты, анархисты, недовольные члены профсоюзов, мексиканские изгнанники, пеоны, бежавшие от рабства, разгромленные горняки, вырвавшиеся из полицейских застенков, и, наконец, просто авантюристы, солдаты фортуны, бандиты, – словом, все отщепенцы, все отбросы дьявольски сложного современного мира нуждались в оружии. Только перекинуть эту разношерстную, горящую местью толпу через границу – и революция вспыхнет»* – понимали организаторы из числа идейных революционеров – воспитанных, образованных и состоятельных людей, чье прошлое ничем особенным не омрачалось[5]. И если окинуть взором нашу недавнюю историю, мы увидим среди тех, кто готовил революцию, людей с прочными семейными традициями в детстве. Было ли это воспитание изолирующим, сказать трудно, для этого нет автобио-

---

[5] Д. Лондон «Мексиканец».

графических указаний, но факт остается фактом: аутсайдеров из приютов и изгоев с улицы в среде нелегальной революционной организации замечено не было. А. Герцен не раз убеждал общественность не доверять тем, кто имеет в революции корыстный интерес, и в пылу полемики даже обзывал сторонников К. Маркса «серой шайкой». Новые времена лишь подтверждают старый опыт. Когда по ходу реформ и прочих преобразований требуются жертвы, на авансцену выходят люди с психологией отщепенца.

В истории нашей страны старообрядчество, жертвы борьбы с которым превышают потери самых тяжелых войн (не в смысле прямого уничтожения, а выведения из общества), много веков было неотъемлемой страницей нашей истории. И стоит вспомнить, что именно староверы придавали особое значение семейному воспитанию, отгораживая его не только от иноверцев, но и внутри своей общины не давая большой свободы детям. На сегодняшний день этот вариант социального отчуждения советской историей отнесен безоговорочно к дореволюционному прошлому, преданному забвению, но с точки зрения психологии он никуда не исчез. И по мере того, как возрождается официальная православная церковь, тесно спаянная с системой управления обществом, религиозное диссидентство, делающее ставку на семью, напоминает о себе все более ощутимо.

Запущенность социальная

Речь идет о так называемом «небрежном и развращающем воспитании». Ребенок, лишенный защиты социальных институтов, не столько развивается, сколько выживает, приноравливаясь не к культуре, а к социальной стихии, оставаясь изгоем в своем отечестве и в чем-то дикарем в цивилизованном обществе в целом. Хотя о проблеме «лишних детей», в судьбе которых никто не заинтересован, не устают напоминать обществу писатели и публицисты. «Не признаете вы мое родство, а я ваш брат, я человек», – эта песня стала гимном обездоленных детей во всем мире. Однако от сострадания и филантропии к социальной реабилитации путь неблизкий.

В нашей ближайшей истории советская доктрина была проста. Из плохой и бедной семьи детей брали в интернаты и детские дома. Жилось там не очень хорошо, но ситуация в целом оставалась под контролем министерства просвещения (отвечавшего за всех детей, проживающих на территории государства вплоть до их совершеннолетия). Запущенными в воспитательном отношении были, главным образом, социальные сироты при живых родителях, которые не обращались за помощью к государству и не относились к социально нежелательным элементам. Такие дети росли во дворе, и многое зависело от его (двора) психологии. Можно было очень просто попасть под влияние уголовной суб-

культуры, нравы которой достаточно глубоко проникали в общество. Тем более, что криминальная среда уделяла рекруитированию молодежи вполне целенаправленное внимание. При этом уголовные нравы как вариант хотя и не желательной в принципе, но все-таки организации отношений, предсказуемых и поддающихся регулированию, был определенной гарантией от подростково-молодежной разнузданности (как нынче принято говорить – отмороженности).

Перестройка внесла свои коррективы в уклад жизни. Органы социальной защиты населения приняли у системы образования заботы об устройстве детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Семья, будучи вынуждена включиться в воспитание («школа воспитывать не обязана»), взялась не только за своих, но и за чужих детей (приемная семья, семейный детский дом). Количество вариантов адаптации увеличилось. Да и уголовная среда, которую демократия с ее свободами оттесняет из обыденной жизни, все меньше интересуется «уличным племенем». Тем не менее, дети, основная потребность которых (напоминаем) состоит в отождествлении себя с окружающими, хотя и в меньшем количестве оказываются один на один со средой, от чего невольно дичают сердцем и умом.

В *младенчестве* такой подход самый нежелательный. Страх блокирует развитие. Дефицит эмпатийности (как отметила в своем исследовании М.И. Лисина) будет чувствоваться до конца дней, но и в ближайшем будущем он даст о

себе знать весьма чувствительно.

В *дошкольном* возрасте дети, которых надолго оставляли одних, зачастую не испытывают той аффилиативной тяги, на которой строится воспитательный процесс. Ребенок спокойно наблюдает за другими детьми, а сам включаться в их занятия не хочет. У работников детского сада возникают большие трудности при организации игры, где нужна инициатива и заинтересованность. Если же ребенок остается на улице, ему приходится учиться жизни на самом примитивном уровне. Как известно, сами по себе дети еще играть не умеют (им нужна игра, организованная взрослым человеком), так что каждый момент переживается всерьез и воспринимается как наука выживания, учиться которой запущенные дошкольники предпочитают не у людей, а у животных. Зоосоциальные навыки в этом возрасте хорошо укладываются в голове, так как именно они обеспечивают адаптацию.

Естественно, в школу они приходят, по словам М.С. Певзнер, «озлобленными дезорганизаторами», и дело тут не в злобе как таковой; им просто непонятны мотивы поведения сверстников. Вместо того, чтобы заискивать перед учителем, как это делают аутсайдеры, дети, выросшие в обстановке запущенности, не испытывают страха когнитивного диссонанса. Для того, чтобы включить ребенка в воспитательную ситуацию, этот страх сначала нужно разбудить, а пока его нет, ученик готов подчиняться и следовать воле учителя-лидера, но за учителем, который слаб и мягкотел, идти не хочет.

В *отроческом* возрасте, когда в основу воспитательной ситуации кладется коллективистическая психология, запущенным детям такой шаг дается еще труднее. Без посторонней помощи (хорошо организованного реабилитационного подхода в школе) они чаще всего просто соскальзывают в «уличное племя», нравы которого позволяют выживать вне цивилизации с ее требованиями к человеку. Социальная психология такой группы ясно показывает, от чего защищаются эти дети, предпочитая серьезные физические страдания статусу неприветствуемого коллективом.

Для примера приведем диалог с 12-летним ребенком, который за последние шесть месяцев несколько раз убегал из дома[6].

– Где ты проводишь время?

– Играю во дворе, катаемся с горки (дело было зимой), иногда захожу к кому-нибудь из друзей.

– А когда ребята расходятся по домам?

– Остаюсь один.

– И что ты делаешь?

– Иду в подъезд, там возле батарей на верхних этажах сижу и жду.

– Чего ждешь?

– Когда ходить перестанут и можно будет уснуть. А как дверь хлопнет, я встану, будто грею руки, и отвернусь.

---

[6] Л. Грищенко, Б. Алмазов. «Побег из дома и бродяжничество несовершеннолетних».

– Когда же двери перестают хлопать?
– Около двух часов ночи.
– А когда снова начинают?
– Около шести утра.
– Не страшно одному?
– Страшно.
– Почему же домой не идешь?
– Пойду… на днях.

Порой достаточно просто внимательно присмотреться к тому, как дети строят свои отношения в обстановке бесконтрольного общения, чтобы понять, чего им недостает в обычной жизни. Во-первых, это признак одинаковой судьбы. Бродяжничающие отроки не любят тех, кто присоединяется к ним из любопытства или желания отмстить родителям. Они ценят хороших взрослых. Во-вторых, им свойственная демократичность общения. Выделяться за счет какого-либо преимущества не дозволяется. Их стычки и столкновения не связаны со стремлением повелевать и командовать. В-третьих, облегченная коммуникативность, готовность прийти на помощь себе подобным. Чужак с иной территории может чувствовать себя совершенно спокойно. Рут Бенедикт сказала бы, наверно, что стихийное сообщество бродяжничающих отроков отличается высокой степенью синергизма. Кстати сказать (о гендерном подходе будет отдельный разговор в конце главы), пока что речь идет только о мальчиках.

Девочки бродяжничают иначе.

Мы не задумываемся, с какого возраста естественная потребность человека может приветствоваться членами общества, когда его симпатии уважаются, с его намерениями считаются, к слабостям бывают снисходительны, а возвышенные стремления поощряют, не может быть проигнорирована. А зря. Стоит представить себе, какими страданиями бродяжки приобретают то, что мы только что перечислили, чтобы почувствовать всю мощь ее влияния на поведение детей, казалось бы, еще мало что понимающих.

Обычно отрицательные последствия бродяжничества видятся в двух аспектах: приобретение навыков отклоняющегося поведения и изменение отношения к воспитанию и воспитателям. Первое выглядит более грозным. И это понятно. Вне надзора со стороны взрослых, а то еще и под их разлагающим влиянием, легко появляются наклонности красть, попрошайничать, лгать, унижать и унижаться. Манеры грубеют. Не исключено приобщение к сексуальным отношениям в циничной форме. К тому же ценность жизни еще не закреплена инстинктом самосохранения. Бродяжничая, дети часто лезут на высоту, к электричеству, балуются с оружием, вдыхают пары отравляющих веществ. И вообще склонны к рискованным экспериментам. Так что может показаться, что столь рано приобретенный опыт приведет к ранней деградации личности. Однако жизнь этого не подтверждает. Пока самосознание не проснулось, ребенка нельзя считать

испорченным человеком. Оторвавшись от социальной стихии, даже самые злостные бродяжки без особых затруднений переходят на «школьную» систему ожиданий и предъявляемых требований. Меняется мир, меняются и они. А в дальнейшем, когда все минует, воспоминания о своих поступках не интериоризируются. «Глупость юных лет» припоминается как нечто, не имеющее отношения к личности.

Менее заметно, но более опасно по своим последствиям изменение отношения к воспитанию. Преодолев психологический барьер безусловного доверия к взрослым, который освобождает от необходимости принимать самостоятельные решения, ребенок попадает в «огонь губительной свободы». Опыт ранней независимости оттесняет на второй план навыки, которые нужно еще долгие годы осваивать в игре. Именно в ней такие качества как чувство долга, способность к жертве, ответственность за слово, воспитываются утопиями, а не расчетами и житейской хитростью. Здесь же, усвоив нехитрую науку выживания, дети делают открытие, что можно жить без коллектива, родители – слабые и беспомощные люди, а прилежание нужно только учителям, так как за стенами школы никого не интересует. Такая мифическая взрослость, для которой еще нет естественных оснований, нередко вводит в заблуждение взрослых, которые принимают защитные конструкции за сам характер.

В *подростковом* возрасте запущенные в социальном отношении дети проходят сложный этап формирования харак-

тера. Все начинается с «обаяния энтропии». Реакция эмансипации дезавуирует прежние неудачи, а реакция группирования сводит вчерашних «ударников и ханыг» в одно сообщество, где доминирует аффилиация, а не конформизм. Как отмечают социологи, во взаимодействии *подростковая группа – социальная среда* наступают очень своеобразные отношения. Подростковые группы ведут себя неадекватно, но члены группы вовлекаются в эти действия зачастую не по своей воле. Криминологи установили, что только 46 % бывают согласны с групповыми решениями, а у 8 % бывает вообще иная точка зрения. Такое расхождение между когнитивным (знал, понимал), эмоциональным (убежден в желательности) и поведенческим (готов следовать) заставляет рассматривать подростковую группу как социальное образование, занимающее промежуточное положение между личностью и обществом. В ее психологическом микроклимате зарождаются свои неписаные нормы и ожидания, более или менее расходящиеся с моральными установками и правовыми предписаниями макросреды. Когда подростковая группа остается без контроля, у несовершеннолетних может возникнуть искушение перенести нравы, принятые в их среде, на «большое общество». При этом бросается в глаза, что личных претензий к жертве своей агрессивности, они не испытывают. Она просто «попалась им под руку», оказалась по тем или иным обстоятельствам доступной для посягательств.

По-видимому, если взять во внимание всю нецелесообразность такого поведения, его достаточно убедительной причиной следует считать желание испытать на прочность ролевую структуру личности. Именно в подростковой группе и все без исключения идут на такие эксперименты, а хорошо воспитанные и робкие достаточно осторожно, частично, символически (благо, реакция имитации это позволяет). Те, кто с детства вращался преимущественно в среде, значительно решительнее. Они знают и заранее готовятся к испытаниям, которые им готовит армия, а то и тюрьма (даже самые отъявленные хулиганы с тревогой идут на «взрослую зону», отлично понимая, что там нужно будет сделать личностный выбор принципов раз и навсегда; роли-статусы в уголовной субкультуре не меняют). Пока же смелость и агрессивность среди сверстников – не более чем роли-функции, и в чем-то понарошку. Естественно, они дают преимущество перед теми, кто себя еще не испытывал и только приглядывается к себе, но не навсегда. Хотя несколько лет своеобразной популярности есть. И если запущенные в детстве подростки сейчас попадут к хорошим воспитателям, можно сделать очень много. Энергия развития, получив сильный импульс положительных эмоций, способна основательно продвинуться вперед. Но, к сожалению, с подростками педагоги работать не хотят и не умеют. За редким исключением. Поэтому большинство из тех, кому онтогенез личности предоставил шанс, упускают время, растрачивая его впустую на

фрондерство перед сверстниками. И когда основная масса, приглядевшись к нравам подростковой группы и будучи достаточно умной, чтобы учиться на чужих ошибках, возвращается в коллектив (систему) и семью, наступает возраст нового разочарования. Бывшие лидеры и звезды снова никому не нужны и неинтересны. Их роли не годятся для обыденной жизни, где не требуется, не принято и неприлично обнажать принципы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.